

THE BEST SF AUTHOR OF EUROPE · 2008

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

ЦИКЛОГЕКСАН

Александр Николаевич Громов

Циклогексан (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=315392
Циклогексан: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-39203-2

Аннотация

Александр Громов давно и заслуженно пользуется репутацией одного из наиболее серьезных российских фантастов, но ему отнюдь не чужды как юмор, так и ирония и сарказм. Рассказы и повести, составившие сборник «Циклогексан», раскрывают довольно неожиданную сторону творчества писателя. Что думают об авторе герои фантастических боевиков? Почему необходимо принять вызов на дуэль от члена правительства? Зачем олигарху понадобилось приватизировать мусоропровод? Чего боится бессмертное существо? Следует ли радоваться, получив в подарок звездную систему? Читайте, улыбайтесь и помните, что в «легкомысленных» произведениях иной раз содержится нечто большее, чем простое желание развеселить.

Содержание

Циклогексан	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	45
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Громов

Циклогексан (сборник)

Циклогексан

Глава 1

Есть нечто отвратное в слове «скользун», вы не находите? Уж если изобретать неологизмы, то они по меньшей мере должны быть изящными, а этот уродлив и вульгарен. Правда, лучшего я пока не придумал. «Скользкий» или, допустим, «слайдер» – банальные красоты. Ну их. Сначала, когда мне чуть было не приспичило сочинять о путешествениках во времени, я точно знал, как их обозвать. Конечно же, хрониками. Тут смешная двусмысленность. Я даже собирался написать цикл романов с общим названием «Хроники хроников», но вовремя сообразил, что такое название больше подошло бы для летописи больницы палаты.

Ладно, пусть будут скользуны. Все равно я раздумал писать о хронопутешественниках. Параллельные пространства ничуть не хуже, и притом нет нужды ломать голову над временными парадоксами.

Мне давно хотелось написать что-нибудь этакое.

Фантастическое, конечно же. Фантастику не писал только ленивый, а я не из их числа. Я сам чищу картошку, а один раз, когда жена болела гриппом, собственноручно выгладил себе брюки. На службе я тоже на хорошем счету, хоть и знаю свой потолок. Вот он-то меня и не устраивает.

А еще больше жену. «Почему бы тебе не написать роман?» – спросила она меня, потеряв надежду на то, что в обозримом будущем я выбьюсь хоть в какое-нибудь начальство.

И то верно, почему бы не? Сам об этом подумывал. А то, что для сочинения фантастических историй нужно какое-то особенно развитое воображение, – чушь собачья. Стопроцентный миф. Все уже выдуманно до нас. Бери готовый набор кубиков и строй из них хоть стену, хоть пирамиду, а лучше несколько. Дурак я, что ли, ограничиться одним романом? Это все равно, что покинуть рыбное место после первой выуженной рыбешки и начать забрасывать снасть там, где то ли будет клевать, то ли нет.

Вся проблема цикла, однако, заключается в том, что для начала придется написать первый роман. Он самый важный. Во-первых, не обойтись без становления главного героя. Можно с этого и начать, но лучше, пожалуй, прибегнуть к ретроспекциям. Во-вторых, надо придумать ему компанью, а еще лучше – команду для выполнения какого-нибудь задания, лучше невыполнимого. Пусть в начале романа кто-нибудь выковыривает персонажей из уютных гнездышек для дел великих. Пусть мой герой участвует в этом деле а-ля д'Артаньян, разыскивающий Атоса, Портоса и Арамиса. В-третьих, надо придумать героям это самое задание, да такое, чтобы читатель вспотел. Но это я придумую потом, а пока – начнем, пожалуй?

Однажды я видел машину времени. Нет, не ту, с помощью которой любой осто-лоп может путешествовать из эпохи в эпоху, оставаясь в пределах одного мира, – такой, насколько мне известно, не существует. Я видел машину, вырабатывающую время. Она стояла в берлоге у моего дружка Олега Лаврова, была приторочена к маленькой, не больше аквариума, вселенной и сама-то смахивала на аквариумный насос. Олег развлекался, следя

в глазок за тараканьим разбеганием галактик, каждая из которых была меньше микроба, а иногда шалил, пуская время в той мини-вселенной то быстрее, то медленнее. Не знаю, что думали об этом местные космологи и на какую темную энергию сваливали вину за странности мироздания, мне это не интересно. Я только сказал Олежке, чтобы он не пускал время вспять, а то фиолетовое смещение поубивает там всех на фиг. Если можешь не убивать, то и не убивай – по-моему, это хорошее правило.

Пожалуй, Олег наиболее отчаянный скользун из всех нас, ходит опасно далеко и берлогу себе оборудовал в мире, слабо похожем на Землю. Там и вселенной, находящейся в личной собственности, никого не удивишь. Там и люди не совсем люди. Ему это нравится. Мне – не очень. Мой мир, конечно, не смежный с Землей, но все же один из ближайших.

Здесь и материки имеют примерно те же очертания, что на Земле, хотя есть и отличия. Например, Гренландия в этом мире – часть материка, Камчатка – остров, а Мадагаскара и вовсе никакого нет. Не могу сказать, чтобы я об этом сожалел. Зато страна, напоминающая Россию, здесь имеется, и язык похож, хоть и смешон. Климат более морской, как ни странно. Летом не очень жарко, зимой не очень холодно. Благодать.

Казалось бы, одни эти особенности должны были повернуть развитие местной цивилизации по-своему – и какая уж тут Россия, если вся человеческая история с древнейших времен пойдет иначе? Ни русских не должно быть, ни французов, ни американцев, ни суринамцев каких-нибудь. Их место должны занять иные, не известные нам народы. А вот ничего подобного. Близкорасположенные миры влияют друг на друга, вы этого не знали? Так знайте.

И взаимное их влияние обеспечивает работой нас, скользунов – ненормальных, то и дело шляющихся по иным мирам благодаря природным способностям и тонкослойной структуре Метавселенной.

Хотя насчет «ненормальных» – это еще как сказать. Вы бы отказались попробовать, что это такое – переместиться в любой мир по своему выбору и вернуться обратно, если не понравится? Вот то-то и оно. На моей памяти никто из тех, кому предлагали, не отказывался – все заглатывали наживку вместе с крючком и грузилом.

Потому как есть и несомненные плюсы. Один из них – полная возможность устроить себе уютную нору в том мире, который наиболее по душе.

Моя берлога – обыкновенная двухкомнатная квартира на третьем этаже четырехэтажного жилого дома в городе с сорокатысячным населением. В моем родном мире на месте этого города плещутся волны, тюлени гоняются за треской, а белухи рожают белушат. Но здесь Белого моря нет вообще, а жаль. Широта и долгота моей берлоги соответствуют месту, лежащему между островом Большой Жужмуй и островами Варбарлуды. Обожаю беломорские топонимы.

Причин, почему я избрал для берлоги именно этот мир, несколько, и вот одна из них: по распределению воды на планете почти все соседние миры больше похожи на Землю, чем на этот мир. В них на этом месте вода. Случись что – удирать легче в такие миры, где нет поблизости моря и путь свободен на все четыре стороны.

Правда, застать меня врасплох не так-то просто.

Балыкину, однако, это удалось. Он даже сумел меня напугать, неслышно проникнув в квартиру. Наверное, открыл замок ногтем. Похоже, он скользнул в этот мир где-то неподалеку, поскольку не выглядел утомленным дальним переездом. Мастер.

И начальство, что гораздо хуже.

– Плохо выглядишь, – сообщил он мне после обмена приветствиями.

– Лучше, чем месяц назад, – сказал я, показав ему сизый шрам на шее. – Уже поправляюсь.

Он покачался с пятки на носок, осматривая помещение. Вздернул бровь, углядев печку, камин и поленницу от пола до потолка. Ухмыльнулся, наткнувшись взглядом на кресло-качалку со скомканным пледом, и решил, что я стою того, чтобы рассмотреть меня более внимательно.

– А досталось тебе, – признал он, без особого, впрочем, сочувствия.

– Зайцы погрызли, – мрачно объяснил я.

– Шутки шутишь?

– Если бы.

– Тогда рассказывай.

Я вздохнул.

– Помнишь, как мы расстались в Виварии? Ну так вот...

Виварий – это кличка одного из миров, смежных с нашим. Очень заслуженная кличка. Пожалуй, даже слишком мягкая. На нашей многогрешной Земле человечество тоже далеко не сахар, но в большинстве людей все-таки живут и доброта, и сострадание, и умение бескорыстно помочь ближнему, если тому нужна помощь. Тем общество и держится. Виварий – совсем иное дело. Четверть его населения следовало бы посадить пожизненно, еще четверть повязать и лечить в психушке чем-нибудь сильнодействующим, а за оставшейся на свободе половиной следить в оба – тогда подготовленный землянин еще мог бы худо-бедно там существовать, постоянно держась настороже. Можно было бы гадать, почему цивилизация Вивария не сожрала сама себя еще в палеолите, но мы это знаем. Сброс негатива идет в соседние миры, да и аборигены-скользуны Вивария не зевают. Не знаю, когда они догадались, что любое локальное изменение в соседнем мире отражается на их собственном, но точно не вчера. И вовсю пользуются этим.

Как ни странно, нашей группе поначалу сопутствовал успех, и миссию мы выполнили. Потом пришлось рассредоточиться и в темпе уносить ноги. К тому времени мне настолько осточертел Виварий, что я был готов скользнуть куда угодно, в любой мир, только бы в нем не было подлецов и отморожков. Подсознание сыграло со мной дурную шутку. Не успев как следует пораскинуть мозгами – да и некогда было, – я приказал себе очутиться в мире, где все хищники, двуногие и четвероногие, вымерли миллион лет назад.

И такой мир, конечно же, нашелся...

– Мне бы сразу сообразить, что экосистема не любит прорех, она их заполняет, – повествовал я без энтузиазма. – Нет, решил отдышаться, как дурак. Природа замечательная, солнышко светит, птички поют... И тут зайцы – стаей. Каждый ростом с большого кенгуру, и зубки что надо. Если природе не хватает хищников, она их сделает из того, что есть под рукой. Только я это потом сообразил, уже после того, как они на меня набросились... ну и вот... – Я еще раз показал шрам.

– Растерялся? – с прищуром спросил Балыкин.

– Нет, пожалуй. Просто не поверил сразу.

– Непрофессионально, – осудил Балыкин. Я не спорил.

Все мы пока еще любители-дилетанты. Давно ли освоили переброску себя из мира в мир? Крутой спецназовец, наверное, не сплеховал бы, да только нет среди скользунов крутых спецназовцев. Кое-что умеем, не зря мучились в тренировочных лагерях, но с профессионалами большинству из нас не тягаться.

Почти из любого дохляка при должном старании, мотивации и запасе времени можно сделать мачо. Однако мы должны быть не только сильными, умелыми и психологически устойчивыми, но еще и умными. С этим сложнее. Не каждый человеческий материал пригоден для создания гибрида костолома, шахматного гроссмейстера и лицедея. И никто из нас, к сожалению, не гибрид. Так... некоторое приближение к недостижимому идеалу.

Одни из нас в чем-то сильнее, другие сильнее в другом. Поэтому мы вынуждены работать в группе. Тот лучше стреляет, этот лучше прячется, третий – гений коммуникативности, четвертый – стратег...

Когда группа теряет кого-то, это снижает ее возможности, но далеко еще не вычеркивает из игры. Группа может позволить себе терять людей. Когда из-за глупой случайности, а когда и осознанно, если игра стоит свеч.

Неуютно ощущать себя свечкой, что когда-нибудь сгорит дотла, но все правильно. Так и должно быть.

– Через неделю буду как новенький, – пообещал я.

И по молчанию Балыкина понял, что нет у него для меня недели. Даже дня, наверное, нет.

– Чаем хоть угостишь? – спросил он. – Или что тут у вас, понимаешь ли, пьют?

Он всегда интересуется, понимают ли его.

– Чай и пьют. – Я ушел на кухню и поставил электрический чайник. Балыкин заглянул следом и удивился, что, понимаешь ли, не керогаз.

– Почему керогаз? – в свою очередь удивился я. – Мир как мир, не очень отсталый. Медицина хорошая... Электричество, компьютеры... пока, правда, не персональные. Первый спутник в прошлом году на орбиту вывели...

За окном заурчал двигатель, затем библикнул клаксон, и Балыкин выглянул наружу из-за шторы.

– Грузовик привез дрова – это два, – пробормотал он. – Иди запасайся, пока соседи не разобрали. Ах да, у тебя же целая поленница... Как здесь живут без центрального отопления, вот что мне неясно. А еще спутники, понимаешь ли, запускают.

– Кое-где есть и центральное, – заступился я за этот мир. – Но больше дрова. Почему нет? Людей здесь мало, и миллиарда на всю планету не наберется, а лесов много, жги – не хочу. Да и уютнее, когда в доме есть камин.

– А печка?

– Экономичнее. Когда надо просто прогреть квартиру, топлю печку. Когда хочу отдохнуть – камин.

– Сидишь у камелька, – подхватил Балыкин, – шуришься на огонь, как кот Васька, сосеешь, понимаешь ли, коктейль через трубочку... А кто она?

Ну ясно. Мара аккуратна и никогда не оставит одежду валяться на стульях и подоконниках, всегда рассовывает ее по шкафам, но женская рука в квартире чувствуется сразу – тут вазочка, там кружевная занавесочка... Моя берлога не холостяцкая.

– Ее зовут Мара, – объяснил я. – Она медсестра, сейчас на дежурстве.

– Понятно. О безопасности не спрашиваю. Раз уж ты выбрал этот мир...

– Значит, считаю его безопасным для себя. У тебя иные сведения?

Спрошено было только для того, чтобы Балыкин помотал головой. Шея у него толстая и короткая, так что крупная голова поворачивается, как башня танка.

– Аборигены доверчивы и неагрессивны, – решил все-таки пояснить я. – Преступности мало, войны вялые, оружие массового поражения ни разу не применялось. Очень хорошие люди, я по сравнению с ними просто Джек-потрошитель. Еще плюс: не слишком любопытны, уважают приватность. За все время, что я здесь, у меня никто не спросил документы, веришь?

– И Мара?

– Говорю же: никто. Для Мары я реэмигрант, подхвативший на чужбине акцент. Работаю от случая к случаю инструктором по туризму и рыбалке, вожу в тайгу группы туристов-экстремалов. Возвращаюсь, естественно, замученный, а то и раненый... как в этот раз.

– Сказал, что волки напали?

– Ну не зайцы же...

– Удобно, что подруга – медсестра, – полушутя заметил Балыкин. – Пожалуй, ты неплохо устроился. Перевязки на дому, понимаешь ли, компрессы... А где чай?

Я принес ему чайник, заварку, сахар и чашку в цветочек.

– А сам что же? – спросил он, валясь в плетеное кресло возле журнального столика.

– Не хочется. Впрочем, если ты боишься, что я тебя отравлю...

Балыкин хрюкнул в чашку, показав, что оценил шутку. Налил чай и вбухал в него сразу пять кусков желтоватого сахара. Он всегда был сладкоежкой – утверждал, что ему надо питать мозг.

Лучше бы он вылечил свой хронический насморк. Сейчас еще ничего, а как у моего шефа обострение – невозможно же рядом с ним находиться! Слон не так громко трубит, как Балыкин сморкается.

– В твоём подъезде лифт, понимаешь ли, странный, – сообщил он, шумно отхлебнув и не выразив неудовольствия качеством напитка. – Без кнопок. Я не разобрался.

– А зачем кнопки, если педали есть? – удивился я. – Ящичек в углу видел? Откидываешь крышку, а с той стороны у нее седло. Садись и крутишь. Как проедешь этаж, так звякнет колокольчик. Проще простого.

От удивления Балыкин обжегся.

– Погоди... Лифт без электричества, что ли?

– С электричеством, – тепреливо объяснил я. – Лампочку на потолке видел? Здесь не каменный век. Электричество есть, мотора только нет. Педали крутить надо. Для чего мотор, когда всего четыре этажа?

– Тогда зачем лифт? – хмыкнув, спросил Балыкин. – Лестница же есть.

Соображал он туговато – наверное, сахар еще не достиг его извилин.

– Как это зачем? – удивился я. – А если старичок или старушка, или инвалид? Или детскую коляску надо поднять-опустить? Тут надо мной живет баба Фаня на одной ноге. Ей нужно спуститься – она мне стучит сверху костылем. Нужно подняться – ну, тогда с улицы покричит.

– И ты педали крутишь?

– Для бабы Фани – да. Ну, бывает, еще кто-нибудь попросит...

– Лифторикша, – прыснул Балыкин. – И не раздражает?

– С соседями лучше жить в мире. Да мне и не трудно. Никому здесь не трудно.

– Человек, понимаешь ли, продукт среды, – изрек Балыкин и, достав из кармана огромный несвежий платок, впервые за эту встречу трубно высморкался. – В этом мире люди добрые и простодушные... ну и ты привык быть таким же. Зря. Засиделся ты в своей берлоге, размякаешь, вижу. На Землю бы тебя отправить на недельку, куда-нибудь на городскую окраину, чтобы отучился расслабляться, а потом, понимаешь ли, на Виварий на денек-другой – и был бы ты у нас в форме...

Сожаление прозвучало в его голосе, и даже почудились мне извиняющиеся нотки. Впрочем, это ничего не меняло. Если я нужен Балыкину немедленно, то он меня немедленно и получит. В этом у нас обоих не было сомнений.

– Срочное дело? – помог я ему, подавив вздох.

Он помолчал немного. Слышно было, как во дворе визжат дети, катающиеся с горки, и как в квартире бабы Фани орет зажавшийся кот, требуя чего повкуснее.

Балыкин, конечно, понял, что никуда я отсюда не рвусь, да и как было не понять. Но понял он и то, что не стану я и отнекиваться, тыча ему в нос шрам и рассказывая ужасы о плотоядных зайцах.

– Ты найдешь Степана и Германа, – заговорил он уже в приказном тоне. – Я – Юлию и Терентия нашего, понимаешь ли, Семеновича. Времени мало. Сбор в штабе завтра в двадцать два ноль-ноль. Там, понимаешь ли, и введу вас в курс дела.

– Заказ? – только и спросил я.

– Можно и так сказать. Ну, мне пора. Не провожай.

Шумно выхлебав остатки сиропа, называемого им чаем, Балыкин выбрался из кресла – невысокий, коренастый, вечно настороженный. Бронемашина, готовая к бою. Повертел напоследок башней, хмыкнул.

– Да, чуть не забыл спросить, – обернулся он. – Мне просто интересно: какой тут у них, в раю этом вялом, понимаешь ли, государственный строй?

– Тоталитарная демократия.

Он подвигал ушами, силясь, как видно, представить себе этот гибрид кота и кита.

– Бывает хуже, – только и сказал.

Я не спорил. Любому скользуну это известно: еще как бывает. Нас не удивишь ни анархической монархией, ни олигархической теократией. Мироздание велико.

Он ушел, а я сварил себе кофе. Хороших, на вкус землянина, кофейных сортов здесь не водилось – один из немногих минусов этого мира, – но в данный момент гурманские удовольствия интересовали меня в последнюю очередь. Я был озадачен, и не сказать, чтобы приятно. Для начала, чтобы размяться, поймал себя на слове и подумал: а почему, собственно, я назвал землянином только себя? Разве аборигены этого мира – не земляне? На местном аналоге русского языка слово «Земля» произносится как «Зимла», и точно так же обозначает не только планету, но и почву. Ну хорошо, аборигены – зимлане, а не земляне. Вот уж громадная разница!

Анатомических различий не видно. Психологические – существуют, но носят, пожалуй, характер поправок. И на Земле ведь у каждой нации свой менталитет.

Нормальное взаимное влияние близкорасположенных миров. Каким-то образом оно проявляется и помимо нас, скользунов, но каков механизм влияния – неясно. Мы действуем локально – а тут речь идет о глобальном взаимном влиянии. Над его механизмом почем зря ломают голову теоретики, вот хотя бы Терентий наш, понимаешь ли, Семенович... Опять-таки, даже смежные миры влияют друг на друга по-разному, и коэффициент влияния представляет собой многомерную матрицу с неуверенно определяемыми элементами... Есть кое-какие гипотезы, есть даже одна-две теории – нет лишь толку от них, поскольку по большому счету воз и ныне там.

Прихлебывая невкусный кофе, я подумал о словах Балыкина. Что он, собственно, имел в виду, буркнув «можно и так сказать»? Что за миссия нам предстоит? И где?

Ничего не понятно. Ничего, кроме состава группы. Ни сути задания, ни сроков, ни мира, в котором придется работать. Не люблю, когда темнят, хотя у нас это дело обычное. Как будто в добродушном мире Зимлы меня схватят и начнут допрашивать, загоняя иглы под ногти!

Вздыхнув, я написал Маре записку: «Не вини мя, позван в опрометь. Страда-работа. Дожидай чрезо невесть дни. Цалуваю». Вздыхнул. Мара будет недовольна, но, когда я вернусь – если вернусь, – скандала не закатит. А позвонить моему несуществующему начальству из несуществующей турфирмы с претензией, почему, мол, вызвали на работу недолеченного, ей, конечно, и в голову не придет. Она мне доверяет. Здесь все всем доверяют.

Ах, какой мир! Балыкинская ирония просто глупа. Ну и что же, что здесь нет персональных компьютеров и мобильной связи? Да я согласен в пещере жить, если компания хорошая, вождь разумен, а соседние племена – не людоедские!

Еще раз вздохнув, я начал собираться. Много времени это не заняло – мой рюкзачок всегда наготове, Мара к нему не притрагивается. Да там и нет ничего такого, что я хотел бы скрыть от ее глаз, – обычный набор для путешествий.

До свидания, уютная моя берлога, до встречи, педальный лифт! Пока меня нет, придется бабе Фане просить повертеть педали соседа с четвертого этажа. Она его не любит – он грубиян. По местным, разумеется, меркам.

Морозный воздух и солнце – в лицо! Черт меня побери, до чего же не хочется ускользнуть отсюда! Вон деревья – я к ним уже привык. Вон могучие гранитные лбы выперлись из почвы по прихоти доисторического ледника и вклинились между домами, один из них до третьего этажа ростом и с одной стороны пологий, с него дети катаются на санках. Кто-то не пожалел сил проложить на самый верх дощатый трап с перекладинами и оградить верхнюю площадку перилами. И никакому уроду не придет в голову сломать полезную, хотя и доморощенную конструкцию или изрисовать ее похабщиной. Нет, этот мир – по мне. Состарюсь – поселюсь здесь навсегда. А пока – прав Балыкин – я несколько расслабился...

И я принялся приводить в порядок инстинкт самосохранения – по пути на вокзал старался не подставлять спину, был готов упредить любое опасное движение любого встречного, милые улыбающиеся лица прохожих объявил харями коварных врагов и вообще был настороже. Ничего, конечно, не случилось и не могло случиться со мною на планете Зимла. Разве что несчастный случай, да и то вряд ли.

На вокзале пришлось ждать поезда, а потом еще шесть часов трястись в вагоне, наблюдая, как над самыми сугробами стелется дым из паровозной трубы. Дым вовсе не хотел пачкать замечательное синее небо. Потом за окном стемнело, и уже глубокой ночью я добрался наконец до города, чьим аналогом на Земле является Петрозаводск. Я мог бы ускользнуть прямо из квартиры, но разрешения не соблюдать легенду Балыкин мне не давал. На улице и на вокзале меня мог видеть кто-нибудь из знакомых аборигенов, и очень хорошо, если видел. Я уехал по делам, пусть он так и доложит Маре. Надо полагать, образовалась внеплановая группа туристов, или охотников, или морозоустойчивых подледных рыболовов, а все инструкторы в разгоне, один я в пределах досягаемости. Вот я и вызван, дело обычное.

Такси от вокзала брать не стал. Прошелся пешком, миновал освещенную фонарями часть города, забрел в подворотню между дощатым забором и бревенчатой стеной какого-то дома. Оглянулся – никого.

В виде перестраховки выждал с минуту – и скользнул.

Глава 2

Три дня я корпел над этим началом, которое даже не завязка, а вообще пока ничто. Плохо, что начал с бытовой сцены, пусть и не земной, но похожей. Авось лифт-велосипед вывезет да еще история про зайцев. Читатель фантастики не желает, чтобы роман начинался с известных ему бытовых подробностей. Читатель в гробу их видел. И он прав. Незачем покупать книжку, чтобы прочитать в ней о том, что каждому прекрасно видно и вне книжки, причем ежедневно. Читателя не интересует то, о чем автору хочется писать. Его интересует только то, о чем ему хочется читать. И чтобы его воображение было контужено с первых же строк, например так:

По дороге катилась голова.

Она катилась с холма по утоптанной песчаной дорожке, весело подпрыгивая на неровностях и притормаживая, когда ее заносило в траву обочины. Антон (Артем, Кирилл, Герасим Рудольфович, Джон Смит, Хромой Оцелот) дождался, когда из тумана, окутавшего вершину холма, выкатится вторая голова.

– Гувер и Гинденбург – это две головы, – пробормотал он, слегка подтолкнув ногой застопорившуюся в колдобине голову. И вторая, так же как и первая, весело поскакала к подножию...

Вот это начало, это я понимаю. Это вам не история о том, как одинокий тридцатилетний горожанин прикасается к Неведомому, демонстрируя тяжелую форму умственной недостаточности. Герой сразу при деле, и герой несколько циничен, чем интригует читателя. Чьи там головы катятся – дело пока десятое. Главное, что головы и что катятся. Беда только в том, что мне в моем романе эти головы совершенно не нужны.

А можно начать так:

Я расскажу только об одном деле из многих дел, в которых мне довелось участвовать из-за того, что однажды я случайно оказался в определенном месте в определенное время...

Здесь самое время указать, что мой герой не такой, как все нормальные люди, и хоть как-то объяснить причину данной аномалии. Впрочем, такое начало будет нисколько не лучше того, что я уже выдумал и написал, а значит, ну его. Поехали дальше. Что у нас там на очереди – сбор команды или все-таки становление героя? Или то и другое в одном флаконе?

Не нравится мне фамилия Балыкин. Он для моего героя – начальство, близкое и непосредственное. Мужик серьезный, а по контрасту хорошо бы наделить его не только насморком, но и фамилией посмешинее. Нибельмесов. Борзопяткин. Пузодрыгало. Несвежев-Вчерашний. Завсегда-Никогдаев. Ладно, потом решу, а пока займемся путешествием моего д'Артаньяна и посмотрим, куда его и меня кривая вывезет...

Новый мир возникает не вдруг, а как бы прорисовывается, стирая и замещая старый. Прежде всего растаяли стена и забор. Затем небо окрасилось из черного цвета в серо-лиловый, и хлынул проливной дождь. К счастью, теплый, но я моментально промок в своей пуховой куртке. Теперь сушить... Ладно, где я?

Город здесь тоже был, но куда меньшего размера, так что возник я на пустыре вне городской черты. Так оно и ожидалось. Что хорошего в том, чтобы плодить нездоровые сенсации, материализуясь среди бела дня на глазах у многочисленных свидетелей?

Раньше процесс перемещения назывался диффундированием из мира в мир, а скользуны – дифами. Потом старая терминология как-то позабылась. Да и что хорошего в том, чтобы быть дифом? Неуютное, холодное слово, неприятное фонетически. Может, потому, что дифтерия тоже начинается с «диф»?

Я приближался к берлогу Степана двояко: в пространстве и в межпространстве. Сейчас я был на триста километров и на несколько миров ближе к нему. И самое главное: я находился в пределах Аэроклуба – так мы прозвали мир, обитатели которого помешаны на полетах в атмосфере. Если надо быстро переместиться из одной точки планеты в другую – скользи в Аэроклуб и путешествуй в его пределах. По сравнению с Землей выгадаешь несколько часов. Затем скользи обратно на Землю или в любой мир по своему выбору. Если, конечно, не хочешь остаться в Аэроклубе навсегда. Я слышал, будто некоторые скользуны-земляне так и поступили. Что ж, это их выбор. Если человеком владеет пламенная, но, в общем-то, безвредная для окружающих страсть – в данном случае страсть к полетам, – то, наверное, разумнее всего позволить маньяку утолять эту страсть, пока не надоест.

Но уж будь добр скользить в любезный тебе мир так, чтобы ни одна живая душа не заметила твоего скольжения!

Иногда все же замечают. Тогда в бульварных газетах появляются фотографии со странными полупрозрачными силуэтами, а телеканалы демонстрируют даже ролики, где эти силуэты перемещаются и тают. Не все из подобных нездоровых сенсаций сфабрикованы, ох, не все... Разумеется, ни один здравомыслящий человек не купится на эту «дешевку», что нас и выручает. Обожаю здравомыслящих людей, их так легко дурачить!

Однажды и мне пришлось скользнуть прямо на людной улице. Не в нашем мире – в другом. Глупая вышла история. Люди разбежались с площади, как ошпаренные тараканы, и каждый бежал как-то враскорячку. Один с выпученными глазами набежал почти на меня, и тут я понял скорее по его мученической физиономии, чем по запаху: он обделался. Все разбежавшиеся обделались. Как видно, на площади проходил запрещенный митинг, и полиция применила дерматочувствительный газ, называемый еще диарейным. Мне бы уносить ноги вдоль улицы прочь от площади, да я побоялся вдохнуть этой дряни и моментально скользнул в смежный мир. Двойное преступление против Устава. Обделавшийся тип видел, как я растаял в воздухе, а в смежном мире, где была точно такая же улица, я ужасно напугал какую-то старуху, возникнув прямо перед ней из ничего.

Потом меня целый год не подпускали к серьезной работе. И даже не похвалили за то, что я не утаил досадную свою оплошность от тогдашнего моего руководства...

А мог бы утаить?

Неизвестно. В те годы я был стажером, а их «пасут». Это трудно, но осуществимо. Через некоторое время я уже сам приглядывал за новыми стажерами. Одно радовало: их было немного.

Не хочу даже думать о том, что стало бы с нашей Землей, будь скользуном хотя бы каждый тысячный ее обитатель. Один из миллиона – и то было бы чересчур.

Нас мало. Всего лишь несколько десятков. Считается, что потенциал скользуна дремлет примерно в каждом пятисотом землянине, но разбудить этот потенциал – все равно что дать годовалому ребенку ядерный заряд с кнопкой. Иным любопытным, случайно прикоснувшимся к тайне, приходится отказывать – иногда жестоко. Вплоть до потери любопытной особью памяти, а в отдельных случаях и жизни.

Мне повезло. Мне не отказали.

А странно. Когда к тайне прикасается четырнадцатилетний оболтус – жди беды.

До сих пор не знаю – то ли во мне рассмотрели что-то особенное, то ли отработывали новую технологию воспитания образцового скользуна из сырого материала. Об этом можно

было бы спросить Балыкина, принимавшего тогда участие в решении моей судьбы, – но он не ответит.

Случай, приведший меня в скользуны, я помню очень хорошо.

Была весна, был теплый май, вечерело, а я шел по Рабочей улице в направлении Дворца детского спорта, имея за спиной рюкзачок, а в нем обвязку, карабины, пару скальников и баночку с магнизией. Родители мои, помешанные на физкультуре, хотели сделать из меня либо пловца, либо лыжника, и я лет пять честно ходил то в бассейн, то на лыжную базу, пока не уперся: хочу заниматься скалолазанием и больше ничем. Почему нет? Комплекция у меня самая подходящая, желание есть, а что скалодром платный, так найдите сейчас хоть что-нибудь бесплатное... Точно не помню, но подозреваю, что на меня повлиял фильм с Сильвестром Сталлоне. Уже потом я узнал, что за такую технику скалолазания, как у Сильвестра, в два счета выгонят из секции... Впрочем, я отвлекся. Отец поворчал, сходил посмотреть, как эти странные ползают по скалодруму, и, кажется, остался доволен. Моим родителям в страшных снах мерещился единственный их сын лет в сорок – одышливый пузан на диване перед телевизором. Ну а тут стало ясно, что скалолаз должен быть худ и жилист. Их это устроило.

Говоря короче, я занимался второй год, находя в этом все больше удовольствия. И шел по Рабочей в самом лучшем настроении.

Тут-то все и приключилось.

Плотный дядька, шедший по тротуару мне навстречу, вдруг ни с того ни с сего метнулся в сторону. В ту же секунду оглушительно и мерзко запищали тормоза. Послышались звуки «пок-пок-пок», какие бывают, когда открывают шампанское, только не столь сочные. Стреляли из пыльного джипа, пользуясь глушителями, и стреляли по дядьке.

Любопытно, что я моментально сообразил, что к чему, не догадался только прилечь на тротуар. Растеряться я не растерялся – не имею такой привычки, – скорее, мне стало интересно. Дядька порскнул зайцем туда-сюда, не давая стрелкам как следует прицелиться, а потом начал таять. Вот так просто взял и начал. Я даже вздрогнул, когда его полупрозрачная, как в «Человеке-невидимке», фигура метнулась ко мне, и успел с негодованием подумать: вот ведь трус. Зря это он. Сейчас и я окажусь на линии огня...

И оказался. А далее события пошли-побежали совсем уж невероятной колеей. Я и не подозревал, что такая колея существует в природе.

И джип, и улица, и деревья по обочинам, и солнечные блики на газонной траве, потеряв вдруг четкость, начали таять. Как будто я смотрел на процесс проявления изображения на фотобумаге, пущенный задом наперед. Зато дядька, напротив, стал вполне вещественным. Он все еще бежал ко мне, растопылив руки, и явно хотел сграбастать меня в охапку. Зато меня такой поворот совершенно не устраивал, и я отпрянул, уворачиваясь от загребущих лап. Как раз во время этого движения джип растаял окончательно, а улица, дома, деревья и прохожие вновь обрели резкость и, я бы сказал, вещность.

Я обалдел. Это был не тот мир!

Иные дома, иные деревья. По улице неслись машины незнакомого вида, а прохожие были одеты странно. Какая-то тетка, облаченная в несусветно сиреневый балахон, обомлела, вскрикнула и сейчас же сердито залопотала на незнакомом языке. А дядька, попытавшийся было схватить меня за руку, сообразил, что быть пойманным, словно зверушка какая, я ни в коем случае не желаю. Тогда он проскрипел сквозь зубы:

– Бежим, дурень!

Сам же и подал пример, рванув куда-то за гаражи. Он хорошо бежал, и мне стоило труда не отстать. Спустя несколько секунд я задался вопросом: а то ли я делаю, что мне надо? Кто такой этот тип? Почему надо убегать? От кого? А главное, почему я держусь за ним в кильватер, а не улепетываю в произвольном направлении?

Соображалка для скользуна вещь необходимейшая, но инстинкт важнее. В данном случае инстинкт меня не подвел. Я не ушмыгнул вбок и не отстал.

За корявыми гаражами валялся мусор и пахло, сами понимаете, не фиалками. Здесь дядька остановился, тяжело дыша. Помотал головой и высипел:

– Скверно... Ох, как скверно...

Я промолчал – просто не знал, что сказать. А дядька щупал бок, расстегнув ветровку. В ней была дырка. Крови на рубашке я не заметил, но дядька морщился от боли и ощупывал себя очень бережно. Затем вновь соизволил обратить на меня внимание:

– Ну что стоишь столбом? Пошли.

– Куда?

– Куда угодно, только подальше отсюда. Скользнул я, понимаешь ли, неудачно... то есть мы скользнули неудачно. Пошли, пошли, нечего тут... Я этот мир знаю, аборигены в нем, понимаешь ли, шибко любопытные...

Следующие полчаса не хочу и вспоминать. С моей сегодняшней точки зрения, я вел себя как исключительный балбес. Хорошо уже то, что не принял дядьку за маньяка-насильника. Последовал за ним – еще лучше. Но вопросы задавал самые идиотские и вообще был готов запаниковать.

Но не запаниковал, чем и определил свою судьбу.

Продравшись сквозь какие-то заросли, мы одолели железнодорожную насыпь. Рельсы удивили меня формой, а колея была раза в полтора шире, чем полагается.

– Мир этот, понимаешь ли, сейсмический, – объяснял мне позднее Балыкин. – Трясет редко, но если тряхнет, так уж тряхнет... Строения видел?

Чего ж не увидеть. Обзор с насыпи был отменный. Вокруг, сколько хватал глаз, простирались кварталы приземистых, как фортификационные сооружения, зданий. Редкие «небоскребы» в шесть-восемь этажей выглядели особо монументальными – их стены имели наклон внутрь. Как бастионы. Боюсь даже загадывать, сколько баллов нужно такому дому, чтобы развалиться.

За кустами на противоположной стороне насыпи шла набитая тропинка. Людей поблизости не было никого, что устроило Балыкина как нельзя лучше.

– Вон те деревья видишь? Скользить будем оттуда.

Что значит «скользить»? С деревьев, что ли, скользить? А куда? И, главное, зачем? По пути к упомянутым деревьям я донял Балыкина вопросами. Сначала он отвечал, хотя и неохотно, на некоторые из них, а потом велел мне заткнуться. Он был мрачен, держался за бок, морщился, скалил зубы по-волчьи, и по всему было видно, что ему приходится терпеть боль. Похоже, он был ранен, но крови я по-прежнему не видел. Бронежилет?.. Не было на нем бронежилета. Стреляли пластиковой пулей из травматика? Но травматик – оружие самообороны. И зачем ему глушитель?

Ничего мне не было понятно, кроме того, что я случайно оказался на месте каких-то разборок. Кого, с кем – неясно. Второй момент: мы куда-то перенеслись. Это не наш мир. Балыкин так и сказал, что не наш. Иная планета? Ну, в некотором смысле – иная. Хотя занимает в том мире такое же место, какое в нашем мире занимает привычная нам Земля. И этот сейсмоустойчивый город с неизвестным названием соответствует Москве. Даже железная дорога с сейсмобиозной колеей проведена здесь точно так же и тянется, надо полагать, к Серпухову.

Я задал еще массу безответных вопросов и надоед-таки Балыкину.

– Слушай, ты обратно попасть хочешь, нет? – не спросил, а прямо-таки взрыкнул он, глядя на меня с отвращением.

Я ответил утвердительно.

– Тогда молчи и делай, как я скажу. Мне придется взять тебя на руки... то еще удовольствие. У меня, понимаешь ли, кажется, ребро сломано. Мне нужно, чтобы ты хотя бы не дергался. Обещаешь?

– Еще чего! – возмутился я. – Меня – на руки?

– Можно на плечи. Не хочешь? Тогда ты останешься здесь, а я...

С этими словами он начал таять. Я хотел было кинуться к нему, но он исчез. Правда, секунд через десять появился вновь.

Зря он это сделал. Только внушил мне уверенность в том, что меня не бросят на произвол судьбы. Пришлось ему убеждать меня словами:

– Кто ты в этом мире? Человек без паспорта. Ничего не знаешь, даже языка. В психушку тебя сдадут, это еще в лучшем случае, но, зная аборигенов, я бы, понимаешь ли, на это особо не рассчитывал. Ты скользун из иного мира, прибывший сюда не иначе как с подрывными намерениями. В оборот тебя. Я бы на твоём месте не торопился познакомиться с соответствующим, понимаешь ли, департаментом местной контрразведки...

– Какой я вам скользун? – хорохорился я. – Сами вы...

– Ну да, я скользун! – сердился Балыкин, устрояюще шмыгая носом. – И ты скользун, только необученный. Природные способности... Так бывает. Иногда они, понимаешь ли, просыпаются спонтанно. Я для чего к тебе кинулся? Хотел скользнуть вместе с тобой, спасти тебя, дурака... Да ты сам... Твое счастье, что ты скользнул не куда-нибудь, а в этот мир, он ближайший, скользнуть сюда одно удовольствие. Иначе бы я тебя еще поискал по мирам, и не факт, что нашел бы. Но обратно ты сам не выберешься, вероятность – один к тысяче. Лезь мне на спину, только осторожно – ребро болит.

– А почему ребро?..

– Когда в меня попали, я уже был в скольжении. Частично в нашем мире, частично, понимаешь ли, – в этом. А пуля так устроена, что она из мира в мир скользнуть не может.

– А кто стрелял?

– Не знаю! Но тебя бы тоже убрали, на что им свидетель?

– А...

– Заткни фонтан и дай мне тебя вытащить, кретин! Вот тебе спина, полезай.

Я и сейчас не люблю грубиянов, а в четырнадцать лет не любил особенно. У кого из мальчишек не ущемлено самолюбие? Первое, что пришло мне в голову, это дать ему хорошего пенделя, когда он повернулся ко мне спиной и согнул ноги в коленях, – вклепать как следует и смыться. Хорошо, что я этого не сделал.

Он взвыл от боли, когда я влезал к нему на закорки, но выдержал. И мир приземистых зданий-бастионов начал таять...

В каком-то проулке между бетонным забором и уже упомянутой насыпью, в проулке, благоухающем привычными ароматами зелени, мочи и выхлопных газов с ближайшей магистрали, он сунул мне в руку бумажку с телефоном:

– Позвони.

И растаял.

Глава 3

Ну вот, наконец-то я нашел случай рассказать, как мой герой дошел до такой жизни. Ну разумеется, он от рождения наделен редчайшей способностью проникать в соседние миры. А вы как думали? Пока еще это у него получается только в состоянии стресса, да и то не всегда. Но подавляющее большинство людей не наделено способностью даже эпизодически заглянуть в смежный мир, так что мой герой – о-го-го! Уникум и потенциальный скользун высшего разряда. Удобное свойство – ускользать. Например, из-под расстрела. Читающая публика любит волшебные сказки.

Правда, я все же чуток подпорчу ей настроение, пусть даже с ущербом для тиража и гонорара. Публика обожает баловней судьбы а-ля Золушка или Гадкий Утенок. Король Лир со своим «из ничего не выйдет ничего» кричал в пустоту. О, я знаю людей! Они еще готовы терпеть феноменальный успех, достигаемый через преодоление внешних обстоятельств, но уже от описания преодоления собственной лени читателя начинает колдобить на его диване. Он примеряет ситуацию на себя, и ему неуютно. Ха-ха. Ему хочется, чтобы подарки судьбы сыпались на тех, кто для этого палец о палец не ударил. Это же фантастика. Она о том, чего не бывает. Зато любой критик признает в моем бессердечии не авторский произвол, а суровый реализм. Иногда и от критиков бывает польза. А читатель пусть не думает, что в сказку попал.

Учиться, учиться, и еще раз учиться! Перед моим героем стоял выбор: жить, как живут все люди, и забыть о множественности параллельных миров (в этом ему помогут) или броситься с обрыва в неизвестную реку, ничего не зная о том, какова там вода и водятся ли в ней крокодилы. Естественно, он выбирает второе, потому что персонаж, выбравший первое, не интересен никому, даже мне. Тут-то его и берут в оборот.

– В школе ты изучаешь английский? – Я кивнул. – И каковы успехи?

– Четверка.

– Ближе к пятерке, твердая или ближе к тройке?

– Пожалуй, четверка с минусом, – признался я. – А при чем тут...

Балыкин не дал мне договорить.

– Сколько тебе лет?

– Пятнадцать... скоро будет.

– К восемнадцати годам ты должен сносно болтать на пяти языках, не считая, понятно, русского. Три европейских из разных языковых групп, один восточный на твой вкус и один африканский или индейский. Впрочем, можешь вместо него освоить любое из полинезийских наречий. Учебники и словари получишь здесь. Так и быть, сделаю тебе поблажку: один из европейских языков может быть польским или чешским. Вопросы?

– А можно он будет белорусским? – спросил я.

– Здесь не подают милостыню. Да, я забыл сказать: мертвые языки тоже годятся, особенно рекомендую латынь. Еще вопросы есть?

– Да. А зачем все это?

– Чтобы отсеять непригодных. Все, иди.

Примерно так. Этот фрагментик я приберегу про запас и вставлю позднее. Ясно, зачем скользуну надо развивать лингвистические способности. Но вы представили себе, как вытянулась физиономия моего героя от столь блистательной перспективы? Я – представил. У него ведь и к девочкам интерес уже проснулся, и выпить с друзьями пива на скамейке перед чьим-нибудь подъездом да поорать погромче ему хочется, чтобы обозначить свое

присутствие в этом мире, его и обычные-то школьные уроки тяготят, как ярмо, а дома его ждут и компьютерные игры, и общение в чате, и еще всякие всякости. Вдобавок он просто ленив, как почти всякий подросток. Я даже удивляюсь, как он не бросил свое скалолазание. Наверное, ему хотелось потусоваться еще и в той компании. И тут – на тебе! – сиди и до мигрени зубри неправильные глаголы. Предварительно освоив правильные. На пяти языках. Месяцами. Годами. Да если бы на нем висели только одни иностранные языки! Даже не сомневайтесь, языки – это только начало. Уж Балыкин подкинет моему герою такую учебную программу, что и вундеркинду мало не покажется.

Последствия очевидны. Друзья замечают, что с моим героем творится странное. Ему вечно некогда. Он перестает общаться с ними вне школы. Чем он, спрашивается, занят? Вот это номер – он, оказывается, учится! Он выходит в отличники по всем предметам да еще, говорят, зубрит какую-то фигню сверх школьной программы. Ботаник! Учителя ставят его в пример остальным, и это катастрофа. Рейтинг популярности моего героя в среде недавних товарищей съезживается и ушмыгивает под плинтус. Его унижают и даже бьют, но он упорен. За год он овладевает английским на уровне оксфордского студента и переходит к японскому. Упражняясь, изрисовал обои иероглифами. Родители, поначалу довольные, начинают не на шутку тревожиться о психическом здоровье своего чада. А чадо тем временем начинает осваивать язык баньянги, отвлекаясь лишь на скалолазание, поскольку Балыкин велел не терять физической формы. Родители находят на столе сына вузовский учебник по вирусологии и «Теорию машин и механизмов», сокращенно ТММ, каковую аббревиатуру студенты технических специальностей давно и справедливо переводят то как «тут моя могила», то как «тысяча мелких мерзостей». Тинейджер изучает экономику и социологию, медицину и горнорудное дело, физику и психологию. И долбит, долбит, долбит языки! В параллельных мирах, даже ближайших, никто не говорит на языке баньянги, там свои наречия, и как раз для того, чтобы быстро освоить их, скользуну нужна обширная и разнообразная языковая практика. А для того, чтобы с честью выходить из непредсказуемых ситуаций, ему нужен хорошо отлаженный мозг. Балыкин полагает, что с отладкой мозга, не способного усвоить Ниагару разнородной информации, не стоит и возиться. Он, конечно, изувер, но осуждать его мне некогда.

Иногда занятия проводятся в группе. Пять-семь человек в возрасте от десяти лет. Мой герой – самый старший. У него поздно выявлен дар скользуна, поэтому он должен работать над собой в полную силу и даже через нее. Один не выдержавший нагрузки мальчик начинает заговариваться и выбраковывается в психбольницу. Одна девочка пропадает навсегда на практических занятиях по скольжению – уходит в какой-то мир и не возвращается. Ее безрезультатно ищут. Время от времени мой герой попадает в нелепые ситуации а-ля волшебник-недоучка, но все же делает успехи. Он занимается по индивидуальной ускоренной программе, и Балыкин время от времени уделяет ему внимание.

– Помнишь того спринтера, Нэйджела Янга?

– Того, что взял золото на Олимпиаде в Стамбуле?

– Точно. Он родился не на Земле... в смысле, не на нашей Земле, а на одном из ее двойников. Тамошние аборигены здорово умеют бегать на короткие дистанции, а здесь с таким временем на стометровке Янг просто стал мировой знаменитостью. Вообще-то привлекать к себе внимание – не наш метод, но, видимо, у Янга были свои причины. С одной стороны, он хотел славы, а с другой – жутко страдал от своей известности и в конце концов был вынужден потратиться на яхту, чтобы разбить ее о рифы. Тела, вестимо, не нашли. Тело это вернулось в свой мир, а может, слоняется по другим мирам, чего не знаю, того не знаю...

И Балыкин трубно высморкался.

– Значит... – с замиранием сердца прошептал я, – в иных мирах тоже есть свои скользунуны? И они посещают наш мир?

– Естественно, – пожал плечами Балыкин, комкая нечистый носовой платок. – А ты как думал? Чем другие хуже нас?

«Тем, что они другие», – хотел было ответить я, но вместо этого спросил:

– А где появились первые скользунуны – у нас или где-то там, у них?

– Ты имеешь в виду людей?

– А кого же еще? – Я ухмыльнулся.

– Да кого угодно. Среди высших животных скользунуны встречаются с такой же вероятностью, как среди людей. А мотивация у них почище нашей – например, когда львы гонят зебру и та видит, что ей иначе не уйти. Эпидемиологи и биологи-эволюционисты не принимают в расчет этот фактор, а напрасно...

Замечательно. Вот я и объяснил все странности эволюции жизни на Земле, а заодно и внезапное появление новых штаммов болезнетворных бактерий и вирусов. Во всем скользунуны виноваты, особенно те из них, которые не люди и по животной простоте не ведают, что творят. Впрочем, бьюсь об заклад, что вред от них небольшой. Ибо не впервые. При активном обмене генетическим материалом из одного мира в другой уже практически не может перенестись ничего нового – все уже было. А к знакомым объектам экосистемы давно привыкли. Так что участь индейцев, вымирающих от завезенной европейцами оспы, не слишком грозит ни нам, ни аборигенам тех миров, куда скользунуны заглядывают просто так или по делу.

Кстати. А какие у них там дела?

Ладно, об этом после. Мой герой вспоминает прошлое, в то время как ему давно пора впутаться в какую-нибудь историю и совершить какое-нибудь безумство. Что у него там на очереди – сбор команды? Вот пусть этим и займется.

Я помахал рукой вслед крохотному самолетику, доставившему меня в нужное место. Оглянувшись – никого. И скользнул из Аэроклуба в Джунгли-3.

Влажная духота мгновенно выдавила пот из моей кожи. В нос ударили запахи прелой листвы, сырости, тропических цветов. Огромные мясистые листья почти касались моего лица, на них дрожали капли влаги. На расстоянии вытянутой руки сидела фиолетовая лягушка и не собиралась удирать, а, похоже, раздумывала: игнорировать меня или плюнуть в глаз ядом? Степан много рассказывал мне о подлых повадках местных тварей. И что приятного он находит в этом мире?

Чужая душа – потемки. Мне не понять. А он тут как рыба в воде. Охотничек. Лорд Рокстон.

Это тоже была Земля, но Земля непривычная, иномирная. Для какого-нибудь индейца из бассейна реки Ориноко здесь был бы дом родной, ну а для меня здесь слишком много всего. Я приветствую количество, если это не количество ядовитых гадов и градусов в тени. Подумать только – на моей родной Земле этому месту соответствует Вологодчина! Вот там – славно. А здесь только и жди, что из-за куста на тебя с голодным урчанием набросится какая-нибудь клыкастая тварюга.

Хорошо уже то, что людей в этом мире нет – за исключением Степана, понятно. Меньше проблем. Местные аналоги обезьян имеются, но от них почему-то не произошли даже австралопитеки, не говоря уже о хомо сапиенсах. Крупные хищники с толикой мозгов в головах предпочитают нападать на знакомую добычу. Я для них не знаком, а Степан тем более не добыча. Степана местные ягуары, или кто тут есть, должны бояться сильнее лесного пожара.

Хуже, если тут водятся крупные безмозглые твари. Этим что знакомая добыча, что незнакомая – все едино. Была бы мясистая, а больше им от нее ничего не надо. Вот крокодилы, например... Их слабо интересует оружие жертвы – они все равно вооружены лучше, да еще и бронированы.

До берлоги Степана было рукой подать, но я едва не заблудился. В тропическом лесу бесполезно запоминать приметы – слишком уж быстро он меняется. Тропинки зарастают в считанные дни, упавшие деревья-великаны превращаются в труху за месяц-другой, и лишь реки и скалы, если они есть, остаются в относительной неизменности.

Мокрую насквозь пуховку я запихнул в рюкзак еще в Аэроклубе, а сейчас ощущал желание расстаться с байковой рубашкой – и расстался бы, если бы не боялся мелкой кусачей нечисти. Пот тек с меня градом. Щипал и чесался шрам на шее. Чересчур холодные, обледенелые миры меня не привлекают – это для мазохистов, – но влажные тропики еще хуже. Дышать нечем, и пот течет, и гораздо больше шансов познакомиться со змеями и ядовитыми пауками, чем желательно разумному человеку. Водные миры на первый взгляд симпатичны, но очень уж однообразны. Их разнообразят только тайфуны, да и те все на одно лицо. Вода – везде вода. Пустыни мерзки все до единой. Леса, такие, как у нас в России, еще куда ни шло. Только пусть в них не водятся плотоядные крупнее медведя...

Голодный медведь, впрочем, тоже не подарок. Я вспомнил, что из оружия при мне всего-навсего короткий нож, и заспешил.

Вот и дом Степана – крепкая бревенчатая постройка на холме, круто обрывающемся с трех сторон. Но и с этих сторон – прочный забор с заостренными кольями поверху. С доступной стороны – настоящий частокол, а в нем калитка, открывающаяся, разумеется, наружу и снабженная прочным засовом. Для отпугивания любопытных четвероруких пакостников, для которых засов не проблема, на столбе висит сморщенный труп макаки.

С виду – надежная берлога. А как-то там внутри? Давненько я у Степана не бывал.

Хозяин отсутствовал, что следовало уже из запертого наружного засова. Внутренний дворик зарос ядовито-зеленой травой, и валуном возвышался над нею выбеленный временем череп – по-моему, слоновий, но с четырьмя бивнями. Выполоть траву Степан, разумеется, не удосужился, а упрекну его в лени – похлопает большими голубыми глазами и скажет с недоумением: «Разве я садовник?» Но тропинку к дому протоптал, и на том спасибо.

Я вошел в дом, потрогал шкуры убитых зверей, дважды содрогнулся, представив себе владельцев этих шкур в полной боевой готовности, осмотрел заспиртованного в банке из-под маринованных опят муравья длиннее указательного пальца, ощупал камни очага – холодные, – поворошил пепел и вывел заключение: Степана нет часов десять как минимум. Ушел еще ночью или вечером. Значит, скоро будет. Если только он не отправился в многодневную экспедицию. С него станется. Тогда я его не найду, даже попробовать не стану. Оставлю на банке с муравьем записку и отправлюсь искать Германа. Уж этого-то в дикую местность калачом не заманишь, ему в гуще народа хорошо. А что такое народ? Для Германа народ – это публика.

А пока что – подождать? Ну да. Только это и остается. А время идет. Балыкин сказал: сбор завтра, понимаешь ли, в двадцать два ноль-ноль. То есть уже сегодня. Осталось менее десяти часов. Пожалуй, можно потратить на ожидание час, но не больше...

Во дворе я разложил костерок «шалашиком». Растопка отсырела, и я позаимствовал немного спирта из банки с муравьем-голиафом. Когда огонь разгорелся – нарвал и набросал в костер травы. Покопавшись в барахле, нашел ракетницу и выпалил в небо. Авось Степан увидит. Не ракету, так столб дыма.

На что-нибудь вроде ответного выстрела из Степановой винтовки я не надеялся. Он не станет обозначать свое присутствие, а сначала попытается незаметно выяснить, кто это

забрался в его берлогу и ел из его миски. Береженого бог бережет. Не только на нашей Земле есть скользуну.

Мы даже не были первыми...

Прошло минут сорок. Я дымил в небо, подбрасывая в костер то реквизированные в доме дрова, то охапки травы, и поглядывал на калитку в частоколе, надеясь уловить момент, когда она шелохнется и в нее просунется винтовочный ствол. В сельве голосили птицы. По кронам деревьев за частоколом с мерзкими криками носились какие-то комки рыжей шерсти – наверное, местные бездарные приматы, так и не породившие человека. Все бы им по веткам скакать...

Потом совсем рядом оглушительно бабахнуло, и мой дымный костерок разлетелся во все стороны. Картечь.

Я подпрыгнул.

– Стой смирененько, – ласково посоветовал знакомый голос за моей спиной. – Вот так, умница. Не откажи в любезности положить руки на затылок. Замечательно. Теперь медленно повернись, будь добр.

Ласковое обращение с живым существом – первый залог успеха. Особенно, когда в качестве второго залога выступает оружие для охоты на крупную дичь.

– А, это ты... – сказал Степан и опустил винтовку. – Прости, не узнал со спины. Один?

– Один.

– Молодец, что навестил. Ты погостить или по делу?

– Пусть психи у тебя гостят, – сердито сказал я. – Как ты сюда проник?

– Секрет фирмы. – Степан самодовольно улыбнулся.

Он всегда был немного склонен к самолюбованию, и я отчасти его понимал. Природе удался этот экземпляр. Мощные плечи, впалый живот, красиво посаженная голова с целым стогом соломенных волос, гвардейский рост, горделивая осанка, ну и прочее отсутствие видимых дефектов. Неглуп. Решителен. Женщины таких обожают, особенно в годы войн и народных бедствий. И не обожают в годы сытого благоденствия, потому что у них нет «Бентли» и недвижимости на Лазурном Берегу. Женский инстинкт не обманешь. Инстинкт знает, когда нужен бесстрашный защитник, а когда – лысый пузанчик с деньгами и связями.

А на кой черт Степану «Бентли», недвижимость и «шикарная» жизнь, если он скользун, причем из лучших? Он давно вырос из этих штанишек.

– Собирайся, – сказал я ему, – Балык зовет. Сбор в двадцать два в штабе.

– А, ну время есть. Пошли в дом, перекусим чего-нибудь. Что там стряслось, не знаешь?

– Понятия не имею. И не пойду я к тебе – и жарко, и некогда. Мне еще Германа надо найти...

Слабовато. Придется переписать этот кусок. Герои почти бесплотны, особенно Степан, действие вялое. Выстрел не в счет, ибо произведен не в человека. И что это за путь в укрепленную берлогу – через калитку?! Пусть «штатный» вход будет в изобилии снабжен ловушками для непрошенных гостей и моему герою придется брать частокол с тыла. А там обрыв. Скальный. Не на холме стоит берлога Степана, а на утесе, как рыцарский замок. Над бешеной порожистой рекой, куда только свались – течение схватит и размолотит в фарш о валуны. Ничего, герой справится. Навыки скалолазания помогут. Заодно познакомлю читателя с азами этого дела – держать тело на удобном расстоянии от скалы, использовать руки только для цепляния, а подниматься на ногах, потому что только режиссерам голливудских фильмов неведомо, что ноги гораздо сильнее рук... Многие любят, когда их ненавязчиво просвещают. И пусть внутри частокола произойдет что-нибудь загадочное. Например, герой вдруг ощутит, что он не один. А когда явится Степан

– ошутит, что их не двое. В берлоге есть кто-то третий, но прячется. Предположительно на чердаке. Кто таков – неизвестно. Проще было бы оживить текст хорошей дракой, но если она неуместна, надо вводить лишнюю интригу. Мой герой покидает берлогу Степана с подозрением, что Степан приручил обезьяну и сделал из нее наложницу. На самом деле все, конечно, не так. У Степана прячется женищина-скользун (молодая и красивая, конечно же) из еще неизвестного земным скользунам мира. Она выйдет на сцену в последней главе и выручит всех из безвыходного положения. О ее мире следует обронить всего лишь несколько фраз и сделать его основным местом действия второго романа, а то и третьего.

Сколько их всего будет в цикле? Хорошо бы не меньше шести. Цикл из шести – это циклогексан, если верить учебнику органической химии. Ха-ха. Пусть цикл так и называется – не для публики, конечно. Для печати придется выдумать ему иное название, как и каждому роману в отдельности.

А хлопотная это работенка – выдумывать! Но после, после... Авось что-нибудь придет в голову. А пока надо гнать текст, пока он гонится. Прервусь – застряну надолго, я себя знаю.

После Джунглей-3 меня ждал Карнавал – мир своеобразный, отчасти даже притягательный и, по-моему, гораздо лучше аналога Земли, сплошь покрытого влажными тропиками. И на кой черт Степану Джунгли-3, когда вокруг сколько угодно прекрасных миров? Чужая душа – потемки.

Вот, скажем, Юлия – она в поиске. Берлога у нее есть, и в хорошем, по-моему, мире, да только тот мир чем-то ее не устраивает. Она не верит, что лучшее – враг хорошего. Она ищет. Чего?.. Спросить можно, да ведь не скажет.

Зато я знал, чего ищет Герка. Карнавал – название условное. Оно происходит от повального и неумеренного увлечения аборигенов всевозможными зрелищами. Половина туземцев, если не больше, трудится в шоу-бизнесе, если понимать его широко. Спортивные состязания там такое шоу, что век бы смотрел, не отрываясь, а театров, киношек и эстрадных сцен столько, что только диву даешься: откуда в городах берется место под промышленность и жилые кварталы?

Герман Супиков – раб Мельпомены. Младший из рабов, всегда во всем виноватый и наказываемый по делу и не по делу. Мое мнение – очень даже по делу. Видел я его игру на сцене...

Его амплуа – «кушать подано», но и здесь он ухитряется перевернуть слова. А то споткнется на ровном месте, замашет руками да и сверзится, к восторгу зрителей, в оркестровую яму, успев перед падением вцепиться в платье главной героини и сорвав его. По-моему, за такие ненамеренные фокусы его и держат на третьих ролях в третьеразрядных театрах, чтобы не сказать балаганах. Несчастный он человек. Трудяга, очень старается, а толку нет и не будет, потому что актер из Герки такой же, как из меня скрипач-виртуоз.

А кто сказал, что скользуны счастливы? Что общего между обилием возможностей и счастьем?

Это поначалу я был счастлив от неожиданно свалившихся на меня перспектив. Вообразите себе восторг четырнадцатилетнего недомерка, обнаружившего, что он способен запросто проникать в иные миры! Правда, не очень понятно, каким образом – неужели мысленным приказом? Но это должно было как-нибудь разъясниться – телефончик-то мне дядька дал. По-видимому, меня приглашали – куда? В какое-нибудь тайное общество? Возможно. Было ясно только одно: мне не желают вреда. Во всяком случае – пока. Я верил, что мне как-нибудь удастся разобраться с целями и задачами тайного общества, и самонадеянно рассчитывал по-тихому смыться, если они мне не подойдут.

Но в целом – в целом! – я был счастлив некоторое время. Очень недолгое. В день моей первой встречи с Балыкиным я все же пошел на занятия в секции, но мысли мои витали очень далеко от скалодрома. В результате я дважды сорвался на элементарном участке, был обозван тренером мешком с картошкой, поставлен на страховку новичков и не обиделся. Что мне мелкие неприятности! Я – избранный! Я вам не просто какой-то там несерьезный шкет Володька Соколов, я о-го-го!

На следующий день Балыкин разбил вдребезги мои надежды приобщиться к избранным без слез, пота, зубовного скрежета и ежедневной работы через «не могу».

Я позвонил, и он назначил мне встречу возле Красного пруда в Измайлове. Позднее я узнал, что лесопарки особо любимы скользунками для деловых встреч. Настоящий лес был бы лучше, но и в городском лесопарке нетрудно ускользнуть из нашего мира в смежный так, что ни здесь, ни там никто этого не заметит. Смежные миры мало отличаются от нашего, и почти в каждом из них на том же месте деревьев на три порядка больше, чем людей.

С людной асфальтированной аллеи Балыкин увел меня сразу, но и разросшиеся в низинах у ручья дебри его, кажется, не очень привлекали. Наконец мы нашли покосившуюся скамеечку в таком месте, где и обзор был, и народ не слонялся почем зря. Сели.

– Ну, рассказывай, откуда ты такой взялся, – предложил мне Балыкин гундосым голосом и шумно высморкался.

– От папы с мамой, – ответил я дерзко. А чего он хотел, спрашивается? Каков вопрос, таков ответ.

– Трепло, – буркнул мне Балыкин. – Радуйся, что ты только трепло, а не болтун. Ты ведь никому не сказал о том, что произошло вчера, не так ли?

– Откуда вы знаете?

– Мы многое знаем... А ты еще и неглуп. Сообразил, что болтать об этом не нужно хотя бы потому, что тебе, понимаешь ли, никто не поверит.

Какой-то черт двигал моим языком, и я поинтересовался:

– А в ФСБ?

Это не произвело никакого впечатления.

– Там знают, – отмахнулся Балыкин. – У нас с этой конторой взаимовыгодное сотрудничество, а вот посторонним об этом вредно даже догадываться. Ты хорошо сделал, что не позвонил на Лубянку.

Тут я сообразил, что они уже знают обо мне гораздо больше, чем я о них. Если они каким-то образом прослушивают оба моих телефона – домашний и мобильный, – то уж адрес мой им точно известен. Обложили. Не уйдешь.

Да и куда я уйду, спрашивается?

Очень неуютно почувствовал я себя в тот момент. Ну очень. Гол и беззащитен.

– У тебя, парень, нет иного пути, кроме как к нам, – пояснил Балыкин на тот случай, если я не понял расклада. – Ты спонтанный скользун. Обыкновенного мальчишку со способностями мы просто оставили бы в покое, если бы он, понимаешь ли, нам не подошел. Пусть болтает, кто ему поверит? Но ты спонтанный скользун, и лучше бы ты нам подошел...

– Для кого лучше? – нахально перебил я.

Балыкин посмотрел на меня, как на идиота.

– Для тебя, конечно...

С тех пор прошло больше пятнадцати лет, и я не в претензии. Пусть скорее не я выбирал свой жизненный путь, а за меня его выбрали, но не все ли равно, кто выбрал, если выбор меня устраивает? Я не стеснен материально, и жизнь моя интересна. Какого еще рожна, спрашивается?

Хотя иногда трижды вспотеешь, прежде чем доберешься куда надо.

Ага. Вот теперь я доволен. Не то чтобы текст хорош, но зато ретровставка легла удачно. Неужели вы хотели, чтобы и композиция не очень хромала, и сюжет не буксовал? Я так не умею, отстаньте. А если научусь, буду писать что угодно, только не фантастические романы.

Хотя если научусь, то, возможно, уже ничего никогда не напишу. Неинтересно делать то, что уже умеешь. Деньги зарабатывать? Писательством? Не смешите меня. Славу? Опять-таки зачем? Чтобы насытиться ею и разочароваться?

Стоп, стоп! Сегодняшняя норма еще не выполнена. Работать! Труба зовет. Вставайте, граф! А когда (и если) работа будет выполнена, в моей черепной коробке не останется ничего, кроме фонового шума. Уж лучше шум, чем такие мысли.

Глава 4

Разумеется, нечего было и думать о том, чтобы скользнуть из Джунглей-3 сразу на Карнавал. Немытых бродяг на Карнавале не уважают. Сначала мне пришлось вернуться на Землю, дабы привести себя в порядок, затем воспользоваться транспортными возможностями Аэроклуба и только потом скользнуть в облюбованный Германом мир. На эти эволюции я потратил больше четырех часов и уже вовсю нервничал: а ну как я не найду Герку за оставшийся невеликий отрезок времени? Балыкин ждать не любит, да и дело, судя по всему, нам предстоит серьезное.

Город, где Герка подвизался на сцене, примерно соответствовал Ярославлю; «примерно» – потому что изгибы Волги здесь были не те, да и вообще река текла в другую сторону. Я так и не удосужился выяснить, в какое море она впадает, но уж наверняка не в Каспийское. И сам город был нимало не похож на Ярославль. Скрестите Бродвей с Диснейлендом, разбросайте там и сям несколько московских Театральных площадей, добавьте три десятка шумных ярмарок с балаганами и аттракционами, столько же стадионов и казино, несколько громадных кинотеатров, окружите все это шумное великолепие не очень презентабельными жилыми кварталами, где облупленные стены домов увешаны, словно доспехами, гирляндами искусственных цветов и рекламными щитами, заполните каждый метр тротуара уличными музыкантами, клоунами, жонглерами, фокусниками, продавцами смешных масок и тому подобными персонажами – вот и получится типичный город Карнавала. Как этот. А на что местным жителям презентабельные жилища, если все их удовольствие – зрелища? Римский плебс это тонко понимал, только римский плебс требовал еще и хлеба, а у этих есть. Надо думать, не все население занято в индустрии развлечений, кое-кто и землицу пашет, и металл плавит, и такси водит, и в политику играет. Эти, наверное, считаются неудачниками.

И чему дивиться? Люди бесконечно разнообразны, как и населяемые ими миры. Однажды, еще будучи лопухим стажером, я любопытства ради скользил из мира в мир по одному и тому же вектору, пока не добрался до такого мира, где люди – ну, во всяком случае, разумные антропоиды – были покрыты не волосами, а перьями, как попугаи. Я хотел найти именно такой мир, и он сыскался, правда, неблизко. Оттуда я унес на память перо, выдернутое из головы туземного царька, – правда, пришлось уворачиваться от кистеня, которым меня пытался пришибить верзила-телохранитель, смахивающий на упитанного стервятника. Я хотел было прихватить и кистень – уж больно он был красив, с драгоценными камнями, – но настырный стервятник орудовал им слишком ловко, а получить по черепу изумрудом я мечтал не больше, чем простым кирпичом. Так что драгоценный кистень остался при стервятнике. Но зато царское перо и посейчас хранится под стеклом в одной из витрин нашего музея.

На улицах на меня оглядывались с усмешками – я был странно одет для этого мира, хотя на Земле в магазине готовой одежды выбрал ужасающий наряд, приблизительно соответствующий вкусам аборигенов Карнавала. Но вкусы – что вкусы? Они меняются. В мире, где туземцы помешаны на развлечениях, мода должна меняться трижды в день. Вот и поглядывают на меня прохожие с насмешливым сочувствием: из какой, мол, забытой дыры ты вылез, что так одет?

Мне было наплевать. Да, из дыры. На случай, если кто обратится с вопросом, у меня была заготовлена фраза, примерным аналогом которой на русском является «моя-твоя не понимай». Тут уж самый тупой туземец сообразит, что я отстал, невежествен, некультурен и не представляю никакого интереса.

Иначе – никак. Местный разговорный язык был столь же далек от русского, как далек от него, например, шведский – вроде и одна языковая семья, а с того не легче. Герка знал язык в совершенстве, ну а мне приходилось помалкивать. Не могу сказать, что я из-за этого страдал. Адрес Герки был мне известен, а что еще надо? На зрительную память я не жалею – в прошлый раз заплутал было, а сейчас найду сразу.

И впрямь быстро нашел – и дом, и квартиру. Но не Герку.

Значит, в театре...

Интересно, в каком? По-прежнему в «Волшебном мире»? Или его уже погнали оттуда?

Оставалось только проверить экспериментально, и я двинулся к «Волшебному миру» – театру захудалому и, судя по его расположению близ городской окраины, едва сводящему концы с концами. Мне надлежало еще принять достаточно пристойный для этого мира вид, а это несколько труднее, чем просто скользнуть из мира в мир. Задача решилась бы в полчаса, знай я туземный язык и имей на руках местную валюту, но чего не было, того не было, да и время поджимало. Оставался честный отъем.

Приметив хорошо одетого (вроде попугая) господина моего примерно роста, я свернул вслед за ним в безлюдный переулок, а дальнейшее было делом техники. Нагнать, обхватить сзади поперек туловища, чуть приподнять для верности и скользнуть вместе с ним в такой мир, где на этом месте нет никакого города. Так я и сделал, а чтобы господин не брыкался, слегка стукнул его кулаком по макушке. Не до потери сознания, а просто ради быстроты и натиска. Пусть думает что хочет, но, напуганный, выполняет команды быстро и без ненужных вопросов. Главное, чтобы не намочил штаны – они мне нужны сухими.

Дело склеилось наилучшим образом. Не знаю, о чем подумал господин, в один миг перенесенный из переулка на лесную поляну, но разделся он едва ли не быстрее, чем я. С переодеванием вышла небольшая заминка: я не сразу разобрался с крючками на его одежде, а он – с молнией на ширинке земных штанов. Все, что было у господина в карманах, кроме части денег, я вернул ему, добавив золотую цепочку в виде компенсации за беспокойство – золото везде ценится. Показал жестом: бери, мол, не сомневайся. Затем вновь скользнул с ним в его родной мир.

С помаркой.

Есть простое правило: если хочешь ненадолго скользнуть из мира А в мир Б и по возвращении в мир А вновь оказаться в том же месте, то исчезай из мира Б в той же точке, где материализовался в нем. В спешке я пренебрег расстоянием в два-три шага, а переулок, повторяю, был узок. Теоретически мы с перепуганным туземцем должны были материализоваться в стене жилого дома, вызвав взрыв колоссальной силы, – но так не бывает. Достаточно плотная среда отторгает скользуна, выталкивая его в сторону наименьшего сопротивления, и при этом требует от него больших усилий. И это единственная известная нам возможность хоть сколько-нибудь перемещаться усилием воли в пространстве, а не между мирами. По этой теме у наших теоретиков, вот хотя бы у Терентия Семеновича, имеются кое-какие наработки, но для дела они, насколько я понимаю, пока бесполезны, а значит, скользуну-практику вроде меня вникать в них без надобности.

Зря я попер напролом – надо было вернуться на поляну и повторить попытку. Наше возвращение в мир Карнавала состоялось не в переулке, а в чьей-то квартире на первом этаже. Хуже того – в ванной комнате. Хуже, конечно, не для меня, потому что опыт есть опыт. Пробормотав по-русски, что мне пора, я ретировался через дверь, прихожую, еще одну дверь и так далее, оставив моющуюся в ванне женщину и господина оторопело пялиться друг на друга. Истошный женский вопль настиг меня уже на лестничной площадке. Через две секунды я уже удалялся от злополучного дома быстрым, но размеренным шагом – одетый как все, то есть как попка-дурак.

Вывернул на людную улицу, затерялся в толпе – и привет, исчез странный гопстопщик, а появился вполне респектабельный туземец. Такого всюду пустят, а уж в захудалый театрик и подавно.

Наверное, «Волшебный мир» когда-то знал лучшие времена. Здание театра, хоть и обшарпанное, было выстроено в классическом стиле – и по местным меркам, и по земным, – только роль атлантов исполняли почему-то йоги, стоящие на головах и подпирающие карниз тощими пятками. Перед театром два бродячих факира упражнялись в изрыгании фонтанов разноцветного огня, а третий жонглировал живыми ежами, мужественно обходясь без перчаток. Тут же демонстрировали свое искусство шпагоглотатели, а один умелец, зверски разинув пасть, пытался заглотнуть старинную фузею со штыком.

В другое время я остановился бы посмотреть, как это у него получится, но сейчас спешил. Вечерний спектакль уже начался, шел первый акт какого-то фарса. Нераспроданных билетов в кассе, как и следовало ожидать, оказалось немало, да еще на хорошие места. Изобразив глухонемого, я объяснился с миловидной кассиршей жестами и, купив билет, прошел в партер и сел сбоку на свободное место.

Фарс – он и есть фарс. Дурацкая комедия положений с ужимками, прыжками и бегом-ней дезабилье по сцене и залу. Присутствовал и текст, но я его все равно не понимал. Оно и к лучшему, наверное. Но публика гыгикала вовсю – надо полагать, фарс ей нравился.

Герки на сцене не было, а впереться за кулисы я намеревался не раньше антракта. Сидеть было жестко, и я недоумевал: почему в этом театре такие странные кресла – пластиковые, как на стадионе? И почему на сцене, изображающей, по всей видимости, великосветскую гостиную, тоже сплошь пластик, крашеная фанера и никакой мягкой мебели, никаких портьер? И почему у доброй половины зрителей в руках кульки? Попкорн у них там, что ли? Или семечки? Тогда почему никто не жует и не лузгает?

Появление Герки на сцене в конце первого акта зал встретил оживлением. Уж не знаю, какую роль в этом фарсе играл мой приятель, только лучше бы он играл роль кассира или швейцара при входе. Деревянным, как оживший манекен, шагом Герман Супиков пересек полсцены, устремил отчаянный взгляд на люстру и, запинаясь, вымолвил одну, всего одну фразу.

Этого хватило. Со всех сторон раздался оглушительный свист, и в Герку полетели извлеченные из кульков помидоры – хорошие, сочные, только чуть перезрелые. Швырял партер. Швырял амфитеатр. Швырял бельэтаж. Швыряли ложи и ярусы. Воздух покраснел от летящих помидоров. В жизни не видывал такого обстрела.

Герка взвизгнул. В него попали раз пять, прежде чем он догадался убежать со сцены. Остальные актеры смотались за кулисы еще раньше, и им досталось меньше. Вся сцена была в помидорных кляксах, а декорации напоминали невиданных пятнистых зверей. Наверное, взорвись на сцене динамитная шашка в бидоне с кетчупом, эффект был бы менее зрелищным. Некоторые снаряды, пущенные с задних рядов, не долетели до сцены, и теперь-то я понял, почему кресла в зале не обиты ни бархатом, ни даже простым сукном! Удобно! Только обтирочной ветоши, надо думать, уходит много.

Дали занавес, публика повалила в буфет, а я, стараясь держаться понахальнее, двинулся за кулисы.

Самый положительный герой обязан иметь хоть какие-нибудь странности и недостатки. Шоколадный заяц – и тот ласковый мерзавец, о чем широко известно. А что бригада скользунов, которую спешно собирает Балыкин ради какого-то до зарезу нужного и явно ответственного дела, немного смахивает на команду разгильдяев, – это ничего. Так веселее.

Гораздо труднее объяснить странности, связанные с переносом героев из мира в мир. К счастью, этого делать не надо. Я уже намекнул, что скользун не может материализоваться в месте, уже занятом каким-либо объектом, но это не фатально, потому что стоит лишь ему поднатужиться – и его вытеснит немного в сторону. На вопросах навигации в великом множестве параллельных миров я, возможно, остановлюсь несколько позднее, если только не ограничусь упоминанием о том, что оная навигация – кошмар крошечный для неопытных скользунов и, даже при наличии природных способностей, постигается лишь долгой практикой. А остальные странности (список не прилагается – составьте его сами) я объяснять не собираюсь. Читатели за это мне будут только благодарны.

– Не говори никому, – упрашивал меня Герка, имея в виду, конечно, помидорную благодарность местной публики.

Ха-ха. «Не говори!»! Можно подумать, никто из наших не знает о тернистом пути Герки к славе Щепкина и Качалова!

Но я обещал. Спросил только:

– Где они помидоров-то столько набрали? Что-то я не видел поблизости овощных ларьков.

– Так ты опоздал, – пояснил Герка. – Помидоры у нас в театре перед спектаклем продают. Прямо в фойе. Сам понимаешь, для чего. Уборщиков пришлось нанять целый взвод, а все равно – выгодный бизнес...

Помолчал и добавил с чувством:

– Сволочи!

Язык у меня чесался, но Герка выглядел слишком несчастным, чтобы сыпать соль ему на раны. Поэтому я просто передал ему приказ Балыкина.

– Когда? У меня в третьем акте еще один выход...

Я ответил, когда.

– Успеем.

– А переодеться? Не в этом же попугайном наряде...

– Успеем, говорю. Вот что, держи ключ и дуй ко мне домой, жди там. Одежда найдется. Теперь иди, мне надо подготовиться...

«К еще одной порции перезревших томатов», – мысленно договорил я за него. Эх, творческие люди, фанатики ими же сдуру избранного пути... Герке бы выступать на сцене в таком мире, где театральное искусство только-только появилось! Блистал бы. Охота ему доказывать, что тоже на что-то годен, в мире изощренных шоу Карнавала! А ведь не отступится, бедолага. Упрям, как осел, и обладает примерно таким же драматическим талантом...

А! Наверное, каждый из нас годен на что-то большее, но поди пойми на что! За полжизни, может, и поймешь, а потом окажется, что данная область деятельности нужна тебе примерно так же, как пловцу гиря. И что тогда делать?

А вовсе не искать, где применить себя помимо нашего основного, скользячего дела, – тоже как-то неправильно.

В сумерках вернулся Герка и всучил мне рабочий комбинезон – в таких, наверное, здесь ходят сантехники. Ничего себе комбинезон, удобный и прочный, только на нашей Земле он больше подошел бы коверному клоуну в цирке.

– А поскромнее у тебя ничего нет?

– Куда уж скромнее... Хочешь, чтобы прохожие в тебя пальцем тыкали?

Я смолчал о том, что будут тыкать обязательно – не в этом мире, так в Аэроклубе или любом другом. Герка и сам прекрасно это понимал, а главное, заведомо лучше меня знал Карнавал и оптимальные транзитные миры. Пожалуй, следовало довериться его опыту.

Так я и сделал.

Он повел меня через пространственно-сдвинутые миры. Не люблю в них заглядывать. Чуть ошибешься – и в одно мгновение перенесешься из Ярославля, например, в Антарктиду. Или бултыхнешься в океан на радость местным акулам. Или вообще выскочишь в ближнем космосе и помрешь раньше, чем успеешь скользнуть далее. Но Герке было виднее. Обхватив меня, чтобы я не наделал ошибок, он скользнул со мною в один из таких миров.

Мир как мир. Даже природа оказалась примерно той же – среднерусской, а не какой-нибудь новогвинейской. Правда, реки поблизости не оказалось, зато вдали за распаханными к севу полями смутно проступали очертания какого-то города.

– Это аналог Москвы? – спросил я.

– Тамбова, – кратко ответил Герка.

Странна жизнь скользуна! Где я только не был, на что только не посмотрелся, а в моем родном мире не видел даже Байкала. Да и в Тамбове не бывал ни разу, зная о нем, пожалуй, лишь то, что он родина волков, которые многим товарищи. Не суждено мне было побывать и в аналоге этого города в сдвинутом мире.

Мы снова скользнули, а потом еще и еще. После четвертого раза мы оказались в лесу, где немедленно провалились по колено в снег. Было темно, как в дупле. Герка объявил, что уже все, мы в нашем мире, дальше будем добираться электричкой или тормознем частника, если расписание электричек нам не понравится.

– А где мы?

– Около Балашихи. До станции километра два. – Он повертел головой и уверенно показал: – Туда.

Опоздали мы совсем чуть-чуть, но все-таки опоздали. Когда мы, слегка запыхавшись, вбежали, стукнувшись в дверях, Балыкин поднял на нас свирепую бровь...

...и, разумеется, трубно высморкался. Но – стоп! Самое время дать читателю беглое представление о штабе московских скользунов. Или лучше так: о Штабе. О, это серьезная организация и проворачивает серьезные дела! Снаружи она должна быть замаскирована под что-нибудь предельно безобидное, а может быть, и смешное. Например, под одно из подразделений какого-нибудь департамента городского хозяйства. Или под общественную организацию, скажем, Добровольное общество любителей деревянных духовых инструментов. Да, так и сделаю. Полуподвальное помещение в исторической части города, наполненное фаготами, трембитами, сопелками, жалейками и сумасшедшими любителями деревянной музыки. Это фасад. За ним – целая сеть подземных помещений, не отмеченная ни на одном плане. Для посторонних ее вообще не существует, деревянные фанаты убеждены, что там обитают их благодетели – коммерческая фирма, у которой «все схвачено» и благодаря которой существует их Общество, а на самом деле там Штаб. Конечно, не единственный. Возможно, и не главный. Но моему герою Володьке Соколову известен только этот. Мой Володька – рядовой скользун, ему вредно знать больше.

– Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятнейшее известие, – мрачно прогудел Балыкин, предварительно сделав нам с Геркой внушение за опоздание и обведя тяжелым взглядом всех пятерых: меня, Герку, Степана, Юлию и Терентия Семеновича. – Нет, к нам не едет ревизор. К нам, понимаете ли, вообще никто не едет. Все гораздо хуже.

Он сделал паузу, а у меня холодок пробежал между лопаток. Мой начальник не любит зря пугать. Как правило, он дает задания подчеркнуто будничным, даже чуть скучающим тоном: сходи в такой-то мир, сделай то-то. Иногда с прикрытием, иногда без. Иной раз в составе группы, но нередко и в одиночку. Опасность присутствует всегда, но предполагается, что подготовленный скользун справится. Так оно обычно и бывает.

Ни для кого не секрет, что сладкоежка, сморкач и гугнивец Балыкин – викинг в душе. Агрессивен, настроен на победу и прекрасно знает: чего нельзя сделать, имея сомнение в себе, то прекрасно получится с наглой мордой. Так и сотрудников настраивает. И уж если он встревожен – дело дрянь.

Мы молчали. Я искоса поглядывал на товарищей. Герка был заметно обеспокоен и не пытался скрыть это, Степан держался невозмутимо, и требовался очень острый взгляд, чтобы понять, как он напряжен, а Терентий Семенович смотрел в потолок, откинувшись на спинку стула, и, по-видимому, пребывал в мире своих теоретических абстракций. Бьюсь об заклад, он уже знал, что нас ждет.

Одна лишь Юлия спросила хриповато:

– Срочное задание, насколько я понимаю? Какой мир?

– Малина.

Раздался общий стон. Малина не принадлежит к числу любимых скользунами миров. Виварий опасен, потому что там в любой момент можно подвергнуться нападению, а Малина опасна, потому что там вор на воре. Нет, карманники, домушники и медвежатники там как раз не преобладают, разве что численно. Их навалом, но это низшая каста. Нормальный вор Малины – человек солидный, предпочитающий использовать служебное положение. Такой коррупции, как там, нет ни в одной африканской стране. Оттоманская империя периода упадка – просто заповедник честнейших людей в сравнении с Малиной.

Казалось бы, удобный мир для скользуна. Влип – откупился. Посулил долгосрочные взаимовыгодные отношения – приобрел союзника. Но не все так просто.

Чтобы система функционировала и государства не разваливались, как карточные домики, воров надо часто менять. Вор на новом месте – еще не очень-то вор, ему надо оглядеться, узнать ходы, наладить связи. Возьми простого человека, вознеси его хотя бы к ограниченной власти – проворуете обязательно. То ли он так устроен, то ли трудно быть белой вороной в стае черных. Но год или даже два выдвигенец ретив и приносит пользу. Государству важно отследить момент, когда приносимый им вред начинает преобладать. Как следствие, каждое мало-мальски заметное лицо находится под колпаком полиции. Само собой, за полицией следит тайная полиция, тоже коррумпированная, естественно. За тайной полицией приглядывает секретная служба, подчиненная правительству, а за нею, в свою очередь, следит недреманное око сверхсекретной канцелярии, находящейся в ведении лично президента. И это еще не конец цепочки. Она тянется дальше, заикливаясь, и существуют еще дублирующие структуры для слежки и тайного контроля. Помимо того имеются, разумеется, и разведка с контрразведкой. Там много чего имеется. И каждая структура, следящая за кем-то и, в свою очередь, находящаяся у кого-то под колпаком, повсюду вербует осведомителей. Думаю, не ошибусь, если скажу, что две трети населения Малины заняты слежкой друг за другом, а оставшаяся треть пребывает в печальном статусе ни к чему не пригодных неудачников.

Там трудно работать и аборигену, не то что пришельцу, всегда чем-то отличающемуся от местных и уже потому в высшей степени подозрительному. Я бы назвал этот мир не Малиной, а Подколпачным миром или попросту Колпаком. Однако название новому миру дается скользуном-первопроходцем, и часто дается почти наобум, по наиболее броской черте, да так в конце концов и прилипает к миру навечно. Бывают названия неудачные и названия хлесткие – что называется не в бровь, а в глаз. Есть, например, мир, получивший от первопроходца ехидное название Парфюм. Там почти никто не моется, как в Чингисхановой орде. Короста, насекомые, чуть ли не грибы-трутовики. Высшее сословие отбивает запах немых тел резкими духами, низшие – обходятся так. Мир, где люди помешаны на музыке, могут назвать Филармонией. И уж сами догадайтесь, как у нас называется мир, где некото-

рое анатомическое несовершенство туземцев вывело проктологию на первое место среди прикладных наук.

– Не нравится? – мгновенно ошетинился Балыкин. – Перетерпите. Распустились! Одного, понимаете ли, никак не вытащить со сцены, другой врос в джунгли и корни пустил, третьего погрызли зайцы – спасибо, что не гусеницы...

– У меня еще все впереди, – кротко пообещал я.

– Четвертого вдруг понесло в такие миры, куда Макар телят не гонял, – продолжал Балыкин, сверкнув на меня глазом, но имея в виду, конечно, Терентия Семеновича. – Пятая... Ладно, замнем. Всем слушать сюда. Матрицу влияния по вектору «Малина – Земля» представляете или вам показать?

Я приблизительно представлял. Малина – не смежный, но близкий к нашему мир, а значит, он оказывает на нас вполне заметное влияние. Так же, как и мы на него. В данном конкретном случае матрица влияния для нас крайне невыгодна: если в Малине произойдет политическая или социальная катастрофа вроде войны или серии эпидемий, то с большой долей вероятности какая-нибудь гадость случится и у нас на Земле. Совсем паршиво, что в Малине есть аналог России. Попадет в беду этот аналог – и моей стране не поздоровится.

Издали, просочившись сквозь несколько стен, донесся звук не то трембиты, не то какой-нибудь зурны. Любители деревянной музыки упражняли легкие.

– Есть информация, что на президента одной весьма могущественной страны, находящегося с рабочим визитом в другой стране, готовится покушение, – сказал Балыкин. – Если президент будет убит – война практически неминуема. Ядерная война. Она охватит всю Малину.

По моей спине побежали мурашки. Мы переглянулись. Ручаюсь, остальным было не лучше, чем мне.

Глава 5

Гип-гип-ура! Борьба с безбожно растянутой завязкой романа наконец-то завершилась моей победой. Дальше будет проще – пойдет, так сказать, миттельшпиль, а это спокойствие и простор. Пиши, что в голову взбредет, накручивай одно приключение на другое – теперь можно! Роман должен иметь объем.

Читатель, который в самом начале сорвался с моего крючка и ушел, для меня потеряян, но тот, что прочно висит на крючке, – мой. Он никуда не денется, если над ним специально не издеваться. Теперь мне позволено многое: длинноты, отступления, философские рассуждения ни о чем. Могу целыми страницами любоваться природой, могу травить анекдоты, могу подробно описать развитие нарыва на пальце главного героя, могу приводить в тексте кулинарные рецепты, бытующие в иных мирах. Суфле из змеиной слюны. Жаркое из сумчатого слона. Пирожное, ароматизированное нектаром из цветка саблезубого папоротника. И не говорите мне, что папоротник не цветет, – есть миры, где еще как цветет! И клыки – во! Не верите в цветущую саблезубость? Зря.

Ретроспекции – это само собой. Я еще не рассказал, чем скользуны зарабатывают на хлеб с маслом. Разрулить нештатную ситуацию в Малине – это совсем не рядовое задание, это случай уникальный, требующий пожарных мер. Реальная работа скользунов проще и обыденнее, но об этом потом. А пока...

Нам не нужны были лишние слова. Не требовалось даже выработки плана действий, поскольку такой план уже был у Балыкина, и он нас с ним ознакомил. Мы были подтянуты, напряжены и готовы на все. Сказать по правде, меня не сильно удручала перспектива ядерной войны в таком мире, как Малина. Я просто не хотел увеличения вероятности подобных событий на моей Земле. Объективно Земля далеко не лучший из миров, куда ему до того спокойного рая, где меня ждет Мара, но я верю в то, что и на Земле не каждый человек – вор, даже среди чиновников. Человечество наделено массой пороков, и не заметно, чтобы оно с каждым поколением становилось лучше, но тотального самоуничтожения оно все же не заслужило.

А ведь был уже прецедент – Первая мировая война. «Европа обезумела», «Европа совершила самоубийство» – это да, это мы читали. А я задам вопрос: почему она обезумела и уже никогда не стала прежней доброй старой Европой? Если вы затянете древнюю унылую песню о нарастании противоречий, я рассмеюсь вам в лицо. Противоречия всегда нарастают, но война для их разрешения – самый последний инструмент. Первая мировая началась потому, что за несколько месяцев до выстрела Гаврилы Принципа в Малине тоже прилюдно убили какую-то шишку. И с точно такими же последствиями.

Теперь, значит, опять?!

Информация пришла от скользунов Радости. Это хорошее место, почти такое же хорошее, как облюбованный мною мир четырехэтажных небоскребов и педальных лифтов. И люди там в общем неплохие, с большинством из них можно иметь дело. Беда Радости в том, что матрица влияния по вектору «Земля – Радость» удручает еще сильнее, чем матрица влияния по вектору «Малина – Земля». Обратное влияние тоже существует, но проявляется в природных, а не социальных катаклизмах. Если там взорвался вулкан, известный у нас как Кракатау, – нам пора эвакуировать население с берегов Зондского пролива. Но если у нас началась война – жителям Радости надо срочно копать противоатомные убежища.

Не самая веселая перспектива. Поэтому сомнений в достоверности переданной информации у нас не возникло.

– Так себе команда, – невесело прогундел Балыкин, оглядывая нас без всякого энтузиазма, – но других людей у меня сейчас нет...

Я поверил ему. Ни разу он не сказал при мне, сколько человек находится в его подчинении, но нетрудно было догадаться, что не так уж много. Вероятно, не более двадцати, включая «мертвые души». Таковой душой мог, например, считаться мой дружок Олег Лавров, предпочитающий жить в таком мире, куда в лучшем случае доберешься за трое суток, и потому не пригодный для дел быстрого реагирования. Еще одна душа – влюбленный в космонавтику Антон Первенцев, давным-давно отправившийся искать мир, где люди уже летают к звездам, и пока не вернувшийся. Не исключено, что сейчас он уже летит к какой-нибудь Тау Кита. Трудно начальству со скользунами – их не заставишь подчиняться дисциплине, если они на то не согласны. Можно только убедить их, а нет – скользнул скользун, и ищи его хоть до конца жизни. Были такие случаи. Балыкин о них никогда никому не рассказывал, но слухи доходят.

Наконец, большая часть активных скользунов, как обычно, занята текущей работой. В пожарном порядке их не извлечь и к сверхсрочному заданию не приставить.

Остаемся мы. Разнородные и разношерстные. И задачка типа «сделай то, не знаю что».

Не в пример легче устранить кого-нибудь, пусть даже президента, нежели защитить его от покушения, организованного неведомо как и неведомо кем. При этом не мыслимо никакое сотрудничество с охраной президента – она нас просто не поймет. Она будет нам мешать. И никакой информации ни об убийцах, ни о способе готовящегося убийства.

Пуля? Взрывчатка? Яд? Что-нибудь экзотическое вроде капсулы с радионуклидами или вирусным штаммом? Неизвестно. Хотя кое-что вычислить все же можно.

Для этого нужно знать расписание президента на запланированный для убийства день. Зная его, мы найдем наиболее удобные для покушения моменты времени и, вероятно, сможем получить представление об оружии убийства и способе его применения.

Мы были готовы. Мы были экипированы. При Штабе имеется склад, а на нем – все, что необходимо для нескольких ключевых миров. Одежда. Личное оружие. Портативные рации. Деньги. Наладонник с русско-русско-малинным разговорником. Да-да, там тоже существует нечто вроде России, только гораздо хуже. И на ее территории употребляется русско-малинный – так мы его называем – язык.

Нас было шестеро – Балыкин сам возглавил операцию. Терентий Семенович, главный наш теоретик, прихватил маленький ноутбук, набитый всевозможной информацией, и кучу гаджетов. Нам было приказано забыть сомнения, и мы забыли их. Мы рвались в бой.

Любой из нас мог бы скользнуть в Малину сразу – это близкий мир, и вектор перемещения давно известен. Хорошо подготовленный скользун обязан помнить наизусть векторы ста тринадцати известных на сегодняшний день миров, смежных с нашим миром, и четко представлять, что находится за смежными мирами. Скольжение сразу через несколько миров требует немалых усилий, но вполне возможно. Так что никто в принципе не мешал нам перенестись сразу в Малину. Хоть прямо из Штаба.

Но Балыкин распорядился иначе. Он разбил нас на две группы, наметил маршруты и точку randevu. Я оказался вместе с Юлией и Степаном. Старшая в группе – Юлия. Добираться до Малины нам предстояло через Будку и Наждак.

Вперед!

Поймать частника, но не брать ни первого, ни второго. Доехать до Битцевского лесопарка. Убедившись в отсутствии «хвоста» – совершить быстрый марш в сторону Чертанова. Скользнуть из давно кем-то облюбованной и оставленной про запас точки лесопарка в Будку. Это странный мир. Собственно, все миры по-своему странны, не исключая нашего, но Будка – это нечто особенное. Скользуны из соседних миров скользят там как хотят, не ведая ограничений, а местные – нет. Они самой природой лишены возможности скользить откуда угодно.

Куда угодно – это пожалуйста, но лишь из немногих редких точек. Три шага в сторону – и у местного скользуна уже ничего не получится, лопнет от натуги, а не скользнет.

Вторая странность, впрочем, следующая из первой, – таможенный контроль государства над местными скользунами, причем таможенники проживают исключительно в будках стрелочников, путевых обходчиков, а где нет железных дорог – сторожей. Нет нужды говорить, что эти будки построены исключительно в тех местах, откуда скользуны Будки только и способны начать скольжение.

Не хотел бы я жить в этом мире...

Из нашего мира мы ускользнули в самой глухой части Битцевского лесопарка – а в этом мире оказались вообще вне города, зато поблизости от железной дороги. Стояла ночная темень, но мы слышали, как за перелеском прогудел локомотив. Будь мы местными или уважай туземные законы, нам бы следовало двинуться вдоль железнодорожного полотна к ближайшей будке. Но мы не уважали туземных законов. Я – точно нет.

Едва переведя дух, мы скользнули в Наждак. С нашей точки зрения, этот мир еще хуже Будки. Не знаю, как в нем живет туземцам, но скользить они не могут. Посыпь наждаком ледяную дорожку – заскользишь ли? Но это свойство людей, а не мира, потому что мы-то как раз скользим в нем нормально. А эти бедолаги ничего не знают о скольжении, и множественность параллельных миров для них чисто умозрительная абстракция...

Впрочем, как и для подавляющего большинства людей нашего мира.

Насколько позволяла судить ночная темень, пейзаж был похож – тот же пригород. Только без железной дороги. Перелесков было меньше, а заснеженных полей – больше. Невдалеке горели огоньки фермы, там басовито урчал какой-то мотор и мычали крупные рогатые скоты. Мык отличался от привычного. Что они там, буйволиц выращивают? Сразу и не скажешь. Может, это вообще крокодиля ферма, поскольку крокодилы, говорят, тоже мычат...

– Я первая, – непререкаемым тоном скомандовала Юлия и скользнула дальше. Но две секунды спустя вновь материализовалась рядом с нами. Зажгла неяркий фонарик.

– Вон туда метров двести...

Я решил не спрашивать, в каком месте Малины она выскочила. Может, на людной улице. Может, в мужском туалете. Может, посреди потока несущихся машин. Может, в клетке с тиграми, если там на этом месте как раз зоопарк.

Если скользуны погибают, то в большинстве случаев оттого, что материализуются не там, где следовало бы.

Юлия вышагивала впереди, не разбирая дороги, с хрустом давя наст. На нас она не оглядывалась, уверенная, что мы беспрекословно движемся следом.

Мы так и делали. Только Степан тихонько шепнул мне в ухо:

– Какого черта Балыкин назначил ее старшей?

– Практика скольжения, – шепнул я в ответ. Пусть дальнейшие умозаключения мой коллега сделает сам. Они элементарны. И я, и Степан нашли комфортные для себя миры, в них преимущественно и обитаем. Скользим редко и, если честно, не любим скользить, а в незнакомые миры без нужды вообще не суемся. Новизна впечатлений приедается годам к двадцати – двадцати пяти, и скользуна начинает тянуть к душевному комфорту. Юлия – редкое исключение. Ей под тридцать, а она еще не устала бродить из мира в мир. У нее потрясающая практика, мы со Степаном по сравнению с ней просто первоклашки.

– Мужика ищет, – понимающе кивнул Степан.

Он никогда не станет теоретиком. Вот и сейчас сделал примитивный и, конечно, ошибочный вывод. Что правда, то правда, Юлия несколько мужеподобна, но я знаю миры, где таких любят. Нет, она ищет не идеального (по ее мнению) мужчину. И уж конечно, не идеальную женщину, поскольку она вполне гетеросексуальна. Тут другое.

– Кажется, я знаю, что она ищет, – шепнул я, но тут Юлия оглянулась на нас, и я бросил: – Потом.

Новая попытка принесла удачу. Когда по истечении пяти секунд скользнувшая в Малину Юлия не появилась вновь, скользнули и мы.

Здесь был лес – такой же заснеженный лес, как в Битце, и даже деревья тех же пород. Выбравшись на утоптанную аллею, мы поняли, что это скорее лесопарк, чем лес. Бывают же такие совпадения! Если бы не зарево заката, я бы подумал, что мы перенеслись назад. Но закат сразу поставил все на свои места. Малина принадлежит к числу слегка сдвинутых во времени миров.

За деревьями шумело шоссе – наверное, там-то Юлия и выскочила при первой попытке. Мы двинулись в противоположную сторону и через полчаса выбрались в промзону – обширное и донельзя унылое скопище серых складских зданий, куч мусора и вырытых там и сям траншей. Наверное, мы находились на задворках какого-нибудь огромного завода. Часть забора была просто повалена, что облегчило нашу задачу. По импровизированной дороге из уложенных в замерзшую грязь бетонных плит Юлия уверенно вела нас вперед...

Мы больше не разговаривали. Вам известно чувство тревоги, когда, казалось бы, нет никаких причин для беспокойства? Мне оно хорошо известно. У нас, скользунов, тоже есть свои легенды, и одна из них – о Сонном Пауке. Так называют человека со способностями куда большими, чем у любого из нас. Что можем мы? Скользить. А он, никуда не скользя сам, чувствует, как в его мир или из его мира скользят другие. Он – датчик и локатор. Акт скольжения для него вроде подергивания нити паутины. Беда, если Сонный Паук играет за команду противника. Так, во всяком случае, говорят...

Но легенда он или реальность – это вопрос из вопросов.

По-видимому, Балыкин верил в Сонного Паука. Не раз на моей памяти он совершал действия, которые я мог назвать только перестраховкой. Вот и теперь он велел нам идти в Малину не напрямую, а через Будку и Наждак. Почему именно через эти миры, а не через другие? Не потому ли, что Наждак не имеет своих скользунов и это направление по идее должно контролироваться Сонным Пауком слабее других?

Я потом допишу, как Юлия довела моих героев до временной штаб-квартиры – пустого и гулкого складского помещения с маленькой конторой. Почему склад пустой? Да потому что «все уже украдено до нас». Такое, во всяком случае, должно сложиться впечатление. Или не описывать путь? Скучно ведь... Нет, опишу. Цикл романов надо чем-то заполнять, на то он и цикл. Пожалуй, будет еще лучше отнести штаб-квартиру подальше от лесопарка и предоставить героям добираться до нее по своему усмотрению в незнакомом городе, имея проблемы с языком и не зная, как здесь ходит и как оплачивается городской транспорт. Чего мне их жалеть, в самом деле? Они в жалости не нуждаются. Держу пари, они возьмут на гоп-стоп автомобиль и преспокойно доедут, куда им надо. Хотя нет, это тривиально. Пусть угонят что-нибудь несуразное, скажем, гусеничный экскаватор или тепловоз. Да, пусть будет тепловоз. Глава с поездкой на тепловозе по незнакомому городу с неведомо куда проложенными путями и полным незнанием принятой в этом мире железнодорожной сигнализации станет одной из самых динамичных. И кончится поездка, конечно, крупной аварией – впрочем, без жертв. Я ведь не садист. Но парочку сошедших с рельс товарных составов и рухнувший мост могу обещать. Герои, разумеется, покинут тепловоз еще до катастрофы.

А насчет Сонного Паука – это мысль. Приберегу ее до второго романа. Не все же выкладывать сразу.

– Знакомьтесь, – сказал Балыкин, – наш коллега с Радости. Будем работать вместе.

– Фоло Робус, – представился незнакомец, закивав, как китайский болванчик, но не предприняв и тени попытки привстать и протянуть для пожатия руку. Кажется, на Радости это и в самом деле не было принято.

Судя по всему, Балыкин с Германом и Терентием Семеновичем опередили нас всего на несколько минут, зато коллега с Радости пробыл здесь как минимум несколько часов и уже успел немного обжиться. На электрической плитке стояла сковородка с остатками яичницы, чайник только что закипел, и на расстеленной газете имелись бутерброды. Истинные обитатели конторы, вероятно, еще днем смылись подальше и закрыли на все глаза, получив щедрую мзду.

Насколько мне известно, население Радости фенотипически не очень отличается от землян. Преобладает, впрочем, средиземноморский тип – невысокие смуглые брюнеты с глазами-маслинами (терпеть не могу ни маслин, ни таких глаз). Фоло Робус оказался не из большинства. Белоснежные волосы, розоватая веснушчатая кожа и красноватые глаза выдавали в нем альбиноса. Он был мал, чрезвычайно узкокостен и тощ. Пожалуй, даже я без труда смог бы поднять его над головой одной рукой, а верзиле Степану не составило бы большого труда пожонглировать тремя такими Робусами.

– Благодаря коллегам с Радости у нас есть распорядок президента на завтрашний... то есть уже, понимаете ли, на сегодняшний день, – сказал Балыкин, и я оценил работу коллег. Парадокс, но чем общество коррупционнее, тем труднее выйти на того, кому надо дать на лапу, но так, чтобы потом не пожалеть об этом. Фоло Робусу и его коллегам это удалось. Даже странно. Радость – приятный мир с приятными людьми. Сунуть взятку для них – серьезное насилие над моралью. Примерно как для нас ограбить до нитки больную старуху или даже еще хуже. На пари – далеко не всякий скользун Радости может быть использован для работы в мирах, подобных Малине, а о Виварии и речи нет.

– Какого именно президента? – осведомился Герка.

– Гостя, вестимо, – пробурчал Степан. – На что нам президент Рашки?

Эта страна Малины, примерно соответствующая России, имела свое название, и довольно благозвучное, но никто из нас против Рашки не возразил. Россия – это Россия. Несмотря на мои претензии к ней, несмотря на то, что я по сути сбежал из нее в спокойный, доброжелательный, хотя и чуть тормознутый мир, она все равно моя страна и останется ею. А здесь была именно Рашка, я ее неплохо знал. Балыкин гонял меня сюда еще в мою бытность стажером, и я давно согласился с мнением: эта страна достойна кликухи, а не имени.

– Простите, – с легким акцентом сказал Фоло Робус, – мы достали распорядок обоих президентов. На всякий случай.

Помолчал и добавил:

– У нас есть также схема охраны обоих. Это стоило нам...

– Сочтемся, – бросил Балыкин.

Глава 6

Деньги для нашей конторы никогда не были проблемой. Нет, подвалы Общества любителей духовых деревянных инструментов совсем не похожи на пещеру Али-Бабы, хотя сейф там есть. Разумеется, в нем лежит просто какой-то запас на текущий пожарный случай, а где хранятся основные фонды, я не знаю, мне это не интересно. Для скользуна деньги есть повсюду, их надо просто взять, если они нужны. Не стану скрывать, что после моих первых успешных скольжений под руководством инструктора в мою тинейджерскую голову забралась преступная мысль: ведь можно очень легко грабануть в чужом мире прохожего или даже банк. Ведь что мешает осуществлению самых дерзких ограблений? Невозможность вовремя смыться. В этом деле скользун вне конкуренции.

Мыслишка примитивная, детская. Не знаю, решил бы я проверить свою теорию на практике, нет ли. Скорее нет, чем да. Но Балыкин, почуяв что-то, удостоил меня профилактической беседы.

– Не делает глупостей только тот, кто вообще ничего, понимаешь ли, не делает, – сказал он, вертя в пальцах огромный грязный носовой платок, и, найдя на нем случайно уцелевшее незапятнанное место, основательно высморкался. – Н-да... Вижу, как у тебя глаза горят. Богатым быть хочешь, а?

Я ответил в том смысле, что ничего не имел бы против.

– Будешь, – пообещал он. – А еще раньше поймешь, что богат не тот, кто жрет на золоте и гадит в платиновый унитаз, а тот, кто ни в чем не нуждается. Обещаю, что поймешь.

Со временем я действительно понял это. Достаточно знать, что ты в любое время можешь что-то сделать, – и желание делать это пропадет само. Чересчур просто. Неинтересно. Скука смертная. «Не боги горшки обжигают», – верно сказано, но не про нас. Про нас следовало бы сказать: «Боги не обжигают горшки».

Хорошо, когда у скользуна есть великая цель – вроде мечты Антона Первенцева слетать к звездам. Хуже, если ее нет. Тогда скользун просто-напросто ищет наиболее удобный для себя мир и устраивается в нем на правах туземца, а задания Штаба рассматривает как повинность. Чаще всего они связаны либо с добычей средств, либо с подтверждением нашего особого статуса в глазах тех единичных людей, кому известно о нашем существовании.

– Технологии! – внушал мне Балыкин. – Одних только смежных миров насчитывается за сотню, многие из них немного отстают от нас по уровню технологий, но многие и опережают. Я думаю, ты понимаешь, что это не промышленный шпионаж, ведь продать нам они все равно ничего не могут. Мы для них, понимаешь ли, вообще не существуем. Если нет покупателя, то кому продавать? Поскольку мы не используем и не собираемся использовать их изобретения в их мире, коммерческого урона они не несут. Тем более что интересующая нас разработка для них чаще всего обыкновенный, понимаешь ли, ширпотреб, цена ему три копейки. Это примерно как для нас утрата одной заурядной микросхемы, давно освоенной в производстве. Кто ее хватится? Какую ценность для земного производителя она представляет? Нулевую! Зато для цивилизации, немного отсталой по сравнению с нами, ценность ее колоссальна, верно?

Механически кивая, я думал о том, что стала бы делать с нашей заурядной микросхемой цивилизация, где новейшим чудом техники считается керосиновая лампа, и старался не улыбнуться.

– Чертежи, – продолжал Балыкин. – Или действующий образец, понимаешь ли. Лучше бы и то и другое. Иногда – копии технологических документов. Это труднее, но зато и реже нужно. В иных мирах технологии чаще всего совсем другие, а если наши инженеры привыкнут получать готовенькое, то у них мозги, понимаешь ли, мохом обрастут. Ну, поначалу твои

задания, конечно, будут несложными. Никаких краж со взломом. Легально проник, легально взял, исчез там, появился здесь. Все дела. Пребывая в чужом мире, не попасть ни в полицию, ни в поле зрения компетентных органов, ни в сумасшедший, понимаешь ли, дом. Этап внедрения – наиболее важный. Ты не должен выделяться среди аборигенов. Если почувствуешь, нет, только заподозришь, что тебя вычислили или могут это сделать, – немедленно уходи. Лучше паранойя, чем провал...

Последнюю фразу я уже слышал во множестве вариантов. Да, действительно, паранойя лучше. Никто не упрекнет скользуна, вернувшегося ни с чем, однако добыча знания в самом узком, технологическом аспекте – это именно то, на чем держится финансовое благополучие нашей фирмы и отчасти ее безопасность. Стоит курице разок снести золотое яичко – и ее уже не зарежут.

– Попытку можно повторить и два, и три раза, – внушал мне Балыкин. – Не воображай себя Джеймсом Бондом, но не считай и воришкой. Мы тащим, но и у нас тащат, понимаешь ли. Это нормально. В ряде случаев мы плодотворно сотрудничаем в этом деле со скользунами из дружественных миров. Если ты в силах помочь такому парню – помоги, авось не развалишься. Когда-нибудь и он тебе поможет...

Это не конец ретровставки. Обязательно надо описать первое задание, полученное моим Володькой Соколовым, и как он с ним справился. Надо отобразить отношения внутри «фирмы». Должна быть легкая «дедовщина». Моего героя за глаза и в глаза будут звать Вовочкой, а он, дурачок, начнет беситься, вместо того чтобы игнорировать насмешников. Мало-помалу Балыкин начнет доверять ему выполнение более сложных заданий. Каких? А вы напрягите воображение. Ну например. Разве не случается так, что какому-нибудь государственному деятелю надо срочно бежать из страны? Лучшего канала ухода, чем предоставленного скользунами, не бывает. Хоть отмени все авиарейсы, хоть законопать все пограничные КПП, а бывшая «ишика» все равно уйдет от «народной» расправы. За какие деньги – это второй вопрос. А куда уйдет – и вовсе третий. Одного такого деятеля мой Вовочка, повинуясь приказу Балыкина и ничего не имея против, доставит в мир Зверобогов – планету, населенную крупными хищными членистоногими, где люди отсутствуют в принципе. И побежит деятель по дюнам, тряся брюхом и вопя от ужаса, а вслед ему покатится, шурша бесчисленными лапками, целая армия колоссальных сколопендр, пауков и скорпионов. Еще саранча какая-нибудь саблезубая – то есть саблезвальная – атакует деятеля с воздуха, заходя от солнца. Если читателю не придется по вкусу сей акт социальной справедливости, то я уж и не знаю, чем ему угодить.

Но и хватит пока. Если я прямо сейчас раскрою все козыри «фирмы», то чем же буду наполнять остальные пять романов «Циклогексана»? Самое время вернуться к текущим событиям.

Да, группа с Радости успела поработать здесь основательно, и мы сразу приободрились. Терентий Семенович развернул свою компьютерную технику и подключился к местной сети. К нему не лезли с вопросами – всем, и в первую очередь Балыкину, заранее было известно, что старику виднее, чем заняться. Боец он все равно никакой. Дважды я сопровождал нашего теоретика в очень удаленные миры, где ему не терпелось проверить какие-то теоретические наработки, и те миры были странны, нелепы, пугающе несообразны. И притом нередко населены разумными обитателями, вот что удивительно!

Сотни, тысячи направлений скольжения. Мириады вселенных. Для нас это чересчур много, наш убогий мозг не в состоянии вместить эту сложность. Так ему и надо, пусть перегревается от натуги. Кто сказал, что Мироздание вывело человеческую расу для самопознания через нее? Чужь это. Не тот инструмент.

Но небывалого не бывает, и на том спасибо. Существуют только миры, находящиеся в границах физической реализуемости. Нет и не может быть мира лангольеров, пожираемого зубастыми шарами. Зато, если хорошо поискать, где-нибудь вполне может обнаружиться мир, в котором люди ходят на руках и даже на боках, – если, конечно, можно назвать людьми разумных существ, привыкших к такому способу передвижения. Правда, я таких не встречал, но странных – сколько угодно. В одном дальнем мире, по словам Терентия нашего Семеновича, разумная раса не имеет в черепе правого и левого полушарий мозга, а имеет переднее полушарие и заднее полушарие. Верю на слово – трепанацию я там никому не делал, хоть и был приставлен телохранителем к нашему теоретику. Мы успели уйти без драки, как и подобает хорошим скользунам...

– Итак, – сказал Балыкин, – будем исходить из того, что президенту Рашки нет никакого резона организовывать покушение на своего заокеанского, понимаете ли, коллегу. Насколько нам известно, ни ему, ни его команде ядерная война не нужна. На сегодняшний день в президентской команде нет лиц, готовых начать игру такого уровня. Они сидят на нагретых местах, прибирают к рукам то, что плохо лежит, и никому из них в ближайшее время не грозят, понимаете ли, урановые рудники. Или я ошибаюсь? Тогда прошу меня поправить.

Мы промолчали. Фоло Робус надул щеки – так в его мире обозначается согласие с чужим мнением. Балыкин высморкался и продолжал:

– Иными словами, потенциальных организаторов покушения мы должны искать, во-первых, в структурах, осуществляющих негласный надзор, их тут до черта... во-вторых, среди военных, в-третьих и в-четвертых, внутри аналогичных структур, находящихся, понимаете ли, в стране президента-гостя. Наконец, в-пятых, покушение может осуществить по собственной инициативе какой-нибудь придурок-одиночка со снайперской винтовкой или бомбой в гильфике. В последнем случае мы бессильны и вынуждены будем положиться на президентскую охрану.

– Среди которой как раз может оказаться исполнитель покушения, – негромко заметила Юлия.

Балыкин подарил ей тяжелый взгляд.

– Мы сейчас говорим не об исполнителях. Мы говорим, понимаешь ли, о возможных заказчиках...

Никто не стал спорить. Это были азы. Если мы вычислим заказчика, то, возможно, сумеем вычислить и наивыгоднейший момент совершения убийства, и, вероятно, его способ. Уже одно это – большая часть дела.

– Есть еще «в-шестых», – своим обычным чуть дребезжащим голосом дополнил список Терентий Семенович. – Покушение может быть спланировано и осуществлено группой скользунов из пока неизвестного нам мира с целями... ну, я тут могу накидать десятков вариантов. Сделать?

– И немедленно.

– Пойдите! – встрепенулась Юлия. – Президенты должны подписать какой-нибудь важный договор?

– Только протокол об углублении сотрудничества, больше ничего. Общие фразы, никаких реальных дел. Обоим президентам эта встреча нужна только в рейтинговых целях.

Юлия разочарованно замолчала. Понятно, она хотела сузить временные рамки возможного покушения. Не вышло. Президента-гостя совсем не обязательно должны были шлепнуть до подписания им документов.

Что-то вдруг запищало. Замигал красный фонарик на предмете, зажатом в руке Фоло Робуса, который я было принял за обыкновенную зажигалку. Что ж, и на старуху бывает проруха. Мне ли не знать, что обитатели Радости не курят? Они предпочитают жевать какую-то дрянь, а не вдыхать дым.

– Движение на периферии, – сказал Фоло Робус.

Балыкин посмотрел на меня, и я кивнул: посмотрю, мол. Хотя на его месте я послал бы Степана. А на месте скользунов с Радости, прибывших сюда раньше нас, окружил бы территорию не только сигнальными устройствами, но и видеонаблюдением.

Склад, где для нас оборудовали временную штаб-квартиру, имел только один вход, он же выход – широкие ворота из гофрированного металла, откатывающиеся по направляющим, но сейчас закрытые. В воротах – узкая дверь с застекленным окошечком. Не очень удобно для штурма, но и мы внутри, как в мышеловке. Если нас уже пасет какая-нибудь из местных служб слежения за всеми и друг за другом, то руководитель ее оперативной группы наверняка сбит с толку – либо считает нас полными идиотами, либо предполагает ловушку. Пожалуйста. Думать так дозволяется. Плохо только, если он скользун или осведомлен о скользунах – тогда он способен сделать правильные выводы.

Гм. А почему, собственно, сигнализация не могла сработать на бродячую собаку? Или даже на пролетевшую ворону?

Прежде всего я нашел рубильник и обесточил складское помещение. Затем осмотрел окрестности склада сквозь окошечко и прибор ночного видения. Ночь. Пусто. Никого. Мерно качались под ветром жестяные фонари на высоко подвешенном кабеле, и вместе с ними качались тени. Кому придет в голову шляться по промзоне среди ночи? Здесь холодно и неуютно. Наверное, где-то есть и охрана, которая может выстрелить без предупреждения. Нет-нет, никто посторонний не слоняется по территории. Разве что воры, собирающиеся подломить какой-нибудь склад, но нам они не опасны...

Конечно, я не вышел наружу. Даже за дверную ручку не взялся. Я просто прикинул направление на ближайшие кусты и расстояние до них, после чего сообразил, какой из смежных с Малиной миров наиболее предпочтителен для моих целей.

Скользнул – и сразу понял, что скользнул неудачно.

Вокруг меня гроыхало и лязгало. Было жарко, шипел пар, воняло железной окалиной. Мне был нужен пресловутый лесопарк или хотя бы пустырь, чтобы, перебежав куда надо, вновь скользнуть в Малину, – а я вынырнул в цехе. Мимо меня по прокатному стану с грохотом ехал добела раскаленный лист стали. Ладно... Могло быть хуже. Мог бы, скользнув, оказаться прямо внутри мартена. Веселенькая перспектива!.. Хотя если выбирать между мартеном и колонной для производства серной кислоты, я, пожалуй, выберу мартен.

Кажется, меня пока не заметили. Зато я заметил двоих – рабочего в козловом кране и диспетчера в будке. Прикрываясь прокатным станом, я перебежал на полусогнутых почти в то место, какое себе наметил. Последние шагов десять прошел, не скрываясь, и исчез, не дождавшись ничьего окрика. Возможно, меня не успели заметить. Возможно, заметили, но не обратили внимания. А что шел какой-то тип да вдруг исчез, так это глюк. Насмотришься за смену на раскаленный металл – еще и не такое померещится. Никто не захочет плодить нездоровые сенсации.

Обратно я скользнул удачно – как раз очутился в глубокой тени и притом за кустами. Хотел было сделать шаг – и понял, что шевелиться не надо. Даже дышать надо неглубоко и через раз.

Я был не один.

Шагах в пяти от меня, почти сливаясь с кустами, лежал плотный мужик в зимнем камуфляже, имея при себе устройство, чрезвычайно напоминающее автомат. Я не издал ни звука, но все же он начал поворачивать голову в мою сторону – уловил, гад, отточенным звериным чутьем мое присутствие. Может, каким-то боком правы те, кто вопреки азам оптики уверяет, что человек способен ощутить затылком чей-то взгляд?

Я вновь скользнул.

На сей раз не было никаких сюрпризов. Я не упал ни в электролитическую ванну, ни в кислородный конвертер. Я вообще оказался вдали от всяких технологий. Светило солнце – мир был сдвинут по времени, – и среди кустов акации паслись носороги...

Нет, лучшие динозавры. Большие, утконосые и глупые. Дураки дураками. Ходячий мясной склад. Стадо гадрозавров с детенышами. Наверное, травоядные ящеры не обратят никакого внимания на моего Вовочку, поскольку привыкли опасаться только существ размером с грузовик. А может быть, и наоборот: встанут в оборонительный круг – и давай размахивать во все стороны хвостами. Удар хвостом отличается от капли никотина только тем, что убьет лошадь сразу, а не постепенно. Вовочке придется далеко обходить утконосых – а тут как раз из засады выскочит голодный тираннозавр... Не беспокойтесь, плохо придется гадрозаврам, а не Вовочке. Он отделается лишь совсем коротким кроссом по пересеченной местности и спешно ускользнет в Малину. Настолько спешно, что сделает это в прыжке и обрушится на бетонный пол в пустом складе. После чего отряхнется, зайдет в контору и сообщит как бы между делом: «У нас гости».

– У нас уже гости.

– Кто?

– Не представились. Чего хотят – сами, думаю, скажут. Но мы заблокированы.

Никто и не подумал встревожиться. Лишь Терентий Семенович пододвинул к себе свою технику, чтобы ее можно было разом схватить в охапку. Скользуна можно убить только исподтишка; информированный скользун – неуязвимый скользун. Вряд ли те, кто нас блокировал, кем бы они ни были, сразу начнут со стрельбы на поражение. Но даже и в этом случае у нас есть уйма времени, чтобы смыться и продолжить работу в другом месте.

– Гадость эта ваша Малина, – только и сказал Балыкин.

Ставлю метку. Буду править рукопись, пока еще довольно конспективную, – обязательно порассуждаю в этом месте о связи между Малиной и Землей. Вообще-то приятно, что мы не лишены недостатков отчасти из-за того, что на нас влияет еще менее благополучный мир. Сами по себе мы не такие уж плохие. Людям это понравится. С другой стороны – непонятно, почему вороватая и не дееспособная в перспективе цивилизация Малины еще шевелится, попискивает и даже может устроить ядерную войну. Почему она давным-давно не выродилась, не развалилась? Где в коррумпированном до предела обществе стимул для борьбы с коррупцией? Запишем это в загадки. Сама Малина – дрянь, но, может, на нее положительно влияет какой-нибудь продвинутый суперфункциональный мир? Пусть так. Подвернется случай сказать об этом – скажу, а не подвернется – тоже ладно. Зато будет повод вложить в чьи-нибудь уста несколько мужественных слов о том, что, какова бы ни была матрица влияния, мы, люди Земли, будем ничуть не лучше поганых аборигенов Малины и вдобавок последними слабаками, если допустим... ну и т. д.

Пока я бегал и скользил, они существенно продвинулись. Я не стал мешать им просьбами ввести меня в курс дела, а просто начал слушать и вскоре многое понял. До десяти часов тридцати минут обоим президентам полагалось находиться в своих резиденциях: президенту Рашки – в пародии на Кремль, расположенной вдобавок не на Боровицком холме, а на Швивой горке, а гостю с супругой и целой толпой охраны – в целиком снятой гостинице по ту сторону реки. На одиннадцать часов в Кремле (ладно уж, буду называть его так) намечался дружеский ланч с пятиминутным допуском тщательно отобранных фотокорреспондентов и съемочных групп правительственных телеканалов, после чего у президентов должны были состояться трехчасовые переговоры с глазу на глаз. В четырнадцать тридцать

– или, может быть, несколько позже, если переговоры затянутся, – оба президента должны выступить перед прессой с коротким обращением. В пятнадцать часов – обед. С шестнадцати до семнадцати президент-хозяин знакомит президента-гостя и его супругу с достопримечательностями Кремля на Швивой горке близ Яузы. Среди оных: Пахан-дудка, служившая некогда сигнальным устройством и накачиваемая мехами при помощи мускульной силы двухсот рабочих, и Пахан-арбалет для метания железных стрел размером с телеграфный столб (впрочем, Пахан-арбалет никогда не стрелял, а от единственного пробного рева Пахан-дудки будто бы обрушилась часть крепостной стены). В семнадцать тридцать президент-гость, распрощавшись с президентом-хозяином, прочтет часовую лекцию перед студентами университета и прямо оттуда отправится в аэропорт. Вот и вся программа. Никакого «общения с народом» на улицах, никаких открытых пресс-конференций, никаких согнанных за малую мзду бездельников с флажками вдоль маршрутов следования. Уже хорошо.

– Наиболее вероятные места покушения: открытая территория Кремля, университет и дорожные трассы, – подытожил Терентий Семенович. – Но полностью исключить гостиницу и Кремлевский дворец мы все же не можем. В последнем случае способ убийства должен быть возможно более подлым, и, полагаю, смерть должна наступить уже в самолете или даже еще позже. Гм... я бы проследил за тем, что гость пьет и ест.

– Вряд ли мы в состоянии держать это под контролем, – проворчал Балыкин. – Уважаемый Фоло, у вас есть канал связи с охраной? Нет? Не извиняйтесь, у нас тоже нет. Но предупредить охрану президента-гостя мы, думаю, сможем... косвенно, понимаете ли. Юлия, для тебя есть работенка...

Лет десять назад я вознегодовал бы: ну почему самые интересные задания Балыкин поручает не мне? Чуть позднее смирился, во всяком случае внешне. А годам к двадцати пяти понял, что самые интересные задания – те, которые требуют ума, а не только ловкости в сопровождении впечатляющих внешних эффектов.

Мы понимали друг друга с полуслова, и даже чужак Фоло Робус сразу догадался, о чем идет речь. Юлии предстояло пугать охрану при президентской кухне – сыпануть ЛСД в подливку, отравить цианидом эклер или попросту уронить капсулу с радиоактивным стронцием, убегая. Но быть застигнутой на месте преступления и убежать от охраны надо обязательно. При этом не нарваться на пулю и непременно ускользнуть из Малины вне поля зрения людей и следящих камер. Пусть ищут хоть до посинения. Главное – поймут, что система охраны несовершенна, и утратят бдительность, чего нам и надо. Большого мы, к сожалению, сделать не можем.

Юлия исчезла, а мы принялись сокращать количество вариантов. На экране ноутбука появились схемы городских подземных коммуникаций – теплотрассы, канализационные коллекторы и прочее. Коммуникации под Швивой горкой и гостиницей – отдельный и важный вопрос. Но масса всего проходила под путем следования президента-гостя. Конечно, лимузин у него такой, что его броню не пробьет и бронебойная крупнокалиберная пуля, с этой броней даже не всякая граната справится, но заложенный под дорогой фугас уделает и танк, не то что лимузин. Вот они, теплотрассы, аварийные лазы метро и, конечно, коллекторы. Невесть откуда в моей голове всплыло: «А еще они могут плыть по канализации, и тогда нам понадобится группа канализационных аквалангистов...» Наверное, цитата, но чья и по какому поводу – убейте, не вспомню. И не надо.

Далее. Снайпер. Президент-гость дивится на Пахан-дудку и спрашивает, нельзя ли устроить так, чтобы она подудела немного, президент-хозяин не рекомендует, поскольку инфразвук для здоровья не полезен, а в это время в километре от них из чердачного окна высовывается вороненый ствол... Возможный вариант? Безусловно. Поэтому мы можем не дергаться – о таких вещах президентская охрана заботится в первую очередь. Всё под двой-

ным и тройным наблюдением, на крышах расставлены снайперы из лояльных спецподразделений, ждущие только целеуказания.

– Лояльные снайперы, гм... – в сомнении пробормотал Терентий наш Семенович.

– Не вижу способа проверить их лояльность, – оборвал Балыкин, сморкаясь в платок. – Это тупик. Университетом надо заниматься.

– А если нападение с воздуха? – предположил Герка. – Чего проще? На улице по маршруту следования невзначай устраивается пробка, скажем, рекламный щит завалится или еще что-нибудь, а в это время пилот-смертник на легком самолете, набитом взрывчаткой...

– Над городом будут барражировать истребители, – отмахнулся Балыкин. – И еще вертолеты.

– Вдобавок отнюдь не просто срежиссировать покушение данного типа, – улыбнулся Фоло Робус.

– Вот я и говорю: в первую очередь университетом, понимаете ли, надо заниматься...

– Постойте! – Меня осенило. – По-моему, мы идем логически неверным путем. В первую очередь мы должны как можно яснее понять цели и мотивы...

Балыкин зарычал. Я не дал ему шанса произнести обидные слова.

– Именно цели и мотивы! Прошу не перебивать! Если целью убийства является война между двумя державами, то президент-гость должен быть убит не как-нибудь, а способом, бросающим тень на президента Рашки и уж заодно на всю эту страну. Терентий Семенович уже говорил о максимально подлом способе. Что это означает на практике? Поставим себя на место покушающихся. Если речь идет об отравлении медленным ядом, то место не имеет значения. Кстати, я бы выбрал именно этот способ. Сукин сын президент Рашки отравил своего коллегу на дружеском обеде! Обыватель клюнет. Шум и вонь на всю Малину! Ответные действия будут приняты на «ура».

– Мы уже приняли меры, – бросил Балыкин.

– Надеюсь, они дадут результат. Далее, возможно покушение любым способом после – повторяю, после того, как президенты дружески распрощаются. Фугас. Снайпер. Камикадзе. Шахид. Купленный охранник. Киллер-пешка – студент, разыгранный втемную. Бомба на борту президентского самолета. Поражение одного самолета неизвестно кем выпущенной ракетой. И так далее. Но уже *после* встречи двух президентов, а не до нее и уж давно не во время. Оцените резонанс: подлый президент подлой страны подло нанес своему чистому, аки горный снег, коллеге удар в спину!..

Терентий Семенович улыбался мне, кивая, как китайский болванчик. Фоло Робус наддувал щеки. Степан и Герка аж рты раскрыли: вот тебе, мол, и Вовка Соколов, вот тебе и середнячок, звезд с неба не хватающий! Голова!

– Все равно за год не разгрести, – покачал головой Балыкин.

Да, задачка у моих героев что надо. Не хотел бы я оказаться на их месте. Предотвратить покушение, организованное неведомо кем, неведомо как и ожидающееся неведомо когда! Причем сделать это надо тайно, точно и аккуратно. Ни о каком прямом сотрудничестве с местными спецслужбами и речи быть не может. Туземцам Малины совершенно незачем знать о множественности параллельных вселенных, о скользунгах и о способах целенаправленного воздействия одного мира на другой.

Мой Вовочка упростил задачу лишь на первый взгляд. Теперь он и его коллеги должны найти иголку не в стоге сена, а лишь в большой копне. Но дурная бесконечность тем и дурна, что дели ее хоть на тысячу, хоть на миллион – все равно в итоге выйдет бесконечность.

Казалось бы, сейчас должны вернуться коллеги Фоло Робуса, что рыщут по городу, – не одного же скользуна направил в Малину мир Радости! – и принести новые сведения, резко сужающие круг поиска. Хорошо бы им взять ценного «языка», а на крайний случай годится

и совсем малая зацепка, в которую объединенная команда вцепится, как клещ в собаку, и начнет раскручивать. И за пять минут до покушения мои герои познают истину, вопрос будет только в том, успеют ли они вмешаться или не успеют? (Ну конечно же, успеют.)

Но нет, ничего этого не будет, и коллеги Фоло Робуса (Соло Бобус и Гомо Фобус) вернутся практически ни с чем. Не будет этого не потому, что я ничего не слышал о законах жанра, а потому, что я придумал кое-что поинтереснее. Балыкин верно сказал, что у него подобралась «так себе команда». Они не самые крутые оперативники. Один вообще теоретик, а у остальных разгильдяйские натуры. Вот я и придумал этим натурам занятие по душе. Не дисциплиной же их гнуть – это жестоко и скучно.

– Знаю! – прошептал вдруг Герка. Глаза его расширились – по-моему, он сам испугался небывалой продуктивности своего мозга. – Знаю, что надо делать. Мы дураки!

– Я попросила бы не обобщать! – послышался знакомый хриплый голос, и мы, невольно вздрогнув, увидели вернувшуюся Юлию.

– Я сказал «дураки», а не «дуры», – поспешно уточнил Герка. – Стой!.. Ты ранена?

На правом боку Юлии торчал вырванный клоч материи. Вокруг него расплывалось темное пятно.

– Царапина. Где у нас аптечка? А, вижу. Отвернитесь.

Мы все равно не смотрели на нее. Мы смотрели на Герку – Балыкин и Терентий Семенович с недоверием, а мы с Семеном, пожалуй, с надеждой.

– Мы не тем занимались, – сказал Герка. – За два часа мы только и поняли, что точного решения нам не найти. Ну и не надо его искать. Надо действовать иначе. Разве наша задача не в том, чтобы предотвратить покушение? Зачем же мы тогда пытаемся вычислить исполнителей, заказчиков, способ убийства? Мы не сыщики. Нам не надо ловить их. Нам надо только предотвратить убийство, вот и давайте предотвращать!

Мы растерянно переглядывались. На лице Степана я, к своему неудовольствию, заметил признаки понимания. А ведь считается, что Степан у нас стрелок и костолом, а не мыслитель. Я сам пока еще ничего не понимал.

От Балыкина и Юлии последовало: «Поясни» и «Он прав».

– Есть только один способ решить задачу: мы сами должны имитировать покушения! – вдохновенно вещал порозовевший Герка – ну просто идеальный исполнитель роли какого-нибудь мирового гения в студенческой юности, сцена посрамления отсталой профессуры. – Мы должны прямо-таки терроризировать этого заезжего президента – нагло, вызывающе! Пусть рядом с ним плющатся пули, пусть неподалеку рвутся бомбы. Юлия уже начала, нам остается только продолжить...

– И тогда наши противники опешат, начнут выяснять, кто их конкуренты, и, разумеется, на всякий случай откужуются от своих планов, – ядовито проскрипел Балыкин и начал сморкаться.

Герка даже руками всплеснул.

– Да нет же! Тогда будет кардинально изменена вся программа пребывания президента в этой стране! Ни единого лишнего шага, протокольные мероприятия перенести в другое место и на другое время, маршруты следования – изменить, прессу – долой, необязательные мероприятия – тоже долой. Об университете можно забыть. Остается только президентский самолет, но тут мы вряд ли сможем как-то повлиять... И нам нет никакого дела до того, кто наши противники!

Теперь дошло до всех. Балыкин понапрасну открывал и закрывал рот, ища возражений, и не находил их. Терентий Семенович вновь уподобился китайскому болванчику. Степан сказал: «Ну, это другое дело», и заметно повеселел. Коллеги с Радости усердно надували щеки, во всем соглашаясь...

Оглушительно грохнуло. Тугой ком воздуха испытал на прочность мои барабанные перепонки. Рухнули ворота склада. Не успел затихнуть их грохот, как чей-то лающий голос загавкал в мегафон на местном диалекте:

– Вы окружены! Выходить по одному! Руки за голову! Одна минута на размышление!

Глава 7

На этом месте я застрял, и застрял крепко. Выходил на балкон, подолгу курил. Пил кофе. Брал лукошко и отправлялся за город по грибы, срезал крепкие подосиновики, выискивал прячущиеся в траве белые и думал о какой-то чепухе. Например: для чего мне понадобилось переносить действие романа на февраль месяц, когда на дворе стоит сентябрь? Раз уж пишу фантастический роман, то надо полностью отрешиться от окружающей действительности, да? Чушь какая-то. Притом наглядно опровергаемая.

Я с абсолютной точностью знал, что произойдет в романе дальше, – а писать не мог. Наверное, такое случается с писателями – переполнение файлов. Тут нужно просто отдохнуть от всякой церебральной деятельности. В перетруженных мышцах и то накапливается молочная кислота, а что же накапливается в голове? Пресловутая словесная руда? Долой ее. В отвалы. Чтобы продолжить, мысли должны быть как у Буратино: коротенькие-коротенькие, пустяковые-пустяковые. Добьюсь. Длинными, кудрявыми и завиральными они потом сами станут.

Видя, что я который день бездельничаю, жена потребовала, чтобы я ей дал почитать то, что у меня получилось. Я начал было отговариваться тем, что это пока не роман, а скелет романа, да еще и неполный, без нижних конечностей, таза и хвоста, но быстро сдался. Любимые жены умеют уговаривать. Любимые и шибко умные – те уговаривать не станут, а дождутся, пока муж сам предложит. К счастью, у нас не тот случай.

Прочитав довольно быстро, несколько раз хихикнув и заявив, что Гомо Фобус – это пошлость, жена вернула рукопись в задумчивости.

– А эта женищина, как ее... скользунка? скользячка?.. ну, в общем, Юлия...

– Что Юлия?

– Чего она искала-то по всем мирам? Твой герой вроде как догадался, но не сказал. А сам-то ты знаешь?

– Сам-то я знаю.

– Ну?

– Понимаешь, у нее ведь феминистские заскоки. Каждый скользун в свободное от работы время ищет наиболее подходящий для себя мир. Конечно, кроме тех, кто уже нашел его. Так вот, Юлия давно и упорно ищет такой мир, где мужчины были бы настоящими мужчинами – сильными, смелыми, добрыми, верными... словом, рыцарями без страха и упрека.

– Неужели такого мира нет?

– Почему нет? Сколько угодно. Но ей нужно еще одно непереносимое условие: чтобы при всех распрекрасных качествах мужчины в том мире находились в полном подчинении у женщин. А вот этого не может быть, потому что не может быть никогда. Либо одно, либо другое. Вместе – шии с маслом. Вот Юлии и попадаются то идеальные, но лишь частично управляемые мужики, то покорные, забитые и подлые рабы. В одну телегу впрячь не можно... В общем-то, несчастная она женищина.

– Так и будет вечно искать?

– Откуда мне знать? Я не пророк. Может, со временем смирится.

– И не жалко тебе ее? Умная красивая женищина...

Вот и пиши после этого беллетристику. Я взорвался.

– Почему красивая? Где сказано, что она красивая? По-твоему, раз попала в книжку, так уже и красивая? Ты мне эти штучки брось! Она несколько мужеподобна, это во-первых. А во-вторых, какая кому радость от ее ума? Женщине нужна мудрость, а совсем не ум. На свете сколько угодно умных стерв, а вот мудрые стервами не бывают...

Ссоры не получилось. Какой женщине приятно расписаться в отсутствии у нее мудрости?

– Ладно уж, теоретик. Может, хоть картошку к ужину почистишь, раз уж все равно бездельничаешь?

– Иду.

И за чистой картошкой вдруг понимаю: могу двигаться дальше.

Какая еще минута на размышление, зачем она? Чтобы исчезнуть, нам хватило бы и доли секунды, а чтобы уйти с комфортом, забрав технику и договорившись о новой точке randevu, – секунд пяти, да и того много. Так что мы не торопились. Балыкин даже осведомился с прищуром, кто это забыл следить за периметром.

Отвечать ему не стали.

Уходили врассыпную. Я скользнул в Степь – знакомый мир, отличающийся двумя полезными качествами: хорошим обзором во все стороны и малолюдностью. Если заниматься только кочевым скотоводством, то большой плотности населения ждать не приходится, а туземцы только скотоводством и занимались. Может, тысячу лет, а может, и двадцать тысяч. Жизнь кочевника – чем не жизнь? Перегоняй скот, жуй вареную баранину, пей кумыс, пой в седле заунывные, как сама степь, песни, а если голод – собери дюжину молодцов и отбей стадо у соседей. Свобода!

Мне только и надо было, что пройти пешком около километра, после чего вернуться в Малину. Направление я знал. Солнце стояло высоко и припекало порядочно, а трава под ногами была прошлогодняя – сухое бурое мочало. Так в любой степи, хоть в этой, хоть в земной, начинается весна – снег напрочь стает за считанные дни, его уже нет, и скоро, очень скоро попрут молодая трава, коврами лягут цветы, и уже сейчас тепло так, что любой северянин не постеснялся бы сравнить эту раннюю весну с северным летом к невыгоде последнего...

Довольно сильный, но теплый ветер дул мне в лицо, норовя запорошить глаза пылью и травяной крошкой. Подскакивая, как мячи, катились сухие шары перекасти-поля. В ушах завывало. Из-за ветра я не сразу услышал стук копыт за спиной, но оглядываться время от времени не позабыл – и очень хорошо сделал.

На меня галопом мчался всадник.

Расстояние было еще велико – сотни полторы шагов, а то и больше. Поняв, что обнаружен, всадник перевел коня на шаг. Неизвестно для чего я вынул пистолет и помахал им над головой. Понял ли всадник, что я вооружен, – не знаю, но во всяком случае он понял, что я его не боюсь. Тогда он привстал в стременах и начал раскручивать что-то над головой.

Вж-ж-ж... чпок! Небольшой округлый камень сердито прожужжал мимо моего уха и выбил из сухой травы фонтанчик пыли. Праща! А я-то ожидал лука или сабли!

Всадник вновь завертел ремнем над головой. Во время этого занятия с него слетела шапочка, и роскошные черные волосы рассыпались по плечам. Вон оно что. Женщина!

– Александр Дюма-внук, «Дама с камнями», – пробормотал я, готовый отпрянуть в сторону, как только в мою сторону будет пущен очередной гостинец. – Не хватало еще призрака Дюма-отца...

Оп! Уйдя с траектории второй каменюки, я сделал то, что делали все белые сахибы, не желающие, чтобы им докучали дикари, – выстрелил в воздух. Подействовало. Всадница унеслась прочь, не забыв, правда, подхватить с земли свою шапочку. Некоторое время я еще мог видеть стелющийся за всадницей пыльный хвост. Валяйте, леди. Приведите сюда всех мужчин стойбища, чтобы разобрались с пришельцем. Да только он не станет вас ждать.

Пройдя намеченный отрезок пути, я скользнул обратно в Малину и далее шел по ночной... нет, не могу назвать Москвой этот город! Нет сомнения, московские ночные зако-

улки не лучшее место для прогулок, но здесь... Низшая категория преступного мира как раз вышла на работу. Дважды меня пытались ограбить, и я отбилась только благодаря урокам, полученным некогда в спаррингах со Степаном (ох, и швырял он меня!). То и дело какие-то оборванцы с волчьими глазами катили тележки на больших колесах, прикрытые сверху дерюгой, – не иначе транспортировали слам к скупщику. В форточке на третьем этаже застрял форточник – зад и ноги снаружи, остальное внутри. Его подельник чесал репу внизу – помочь дружку или смыться? Я дал ему несколько дельных советов по технике преодоления вертикальных стен.

Все это была мелочь, килька. Снетки. Настоящий вор Малины респектабелен, уважаем и в чужие форточки не просачивается. Не комильфо. Да и брюхо не позволит. Ему самому несут и еще умоляют не побрезговать. В ночных переулках мне реально следовало опасаться только отморозка-мокрушника, которому, по местным понятиям, уже некуда падать дальше и который сначала бьет ножом под ребра, а потом уж грабит. Но не мокрушникам учить скользунов бдительности.

– Итак, внимание! – провозгласил Балыкин. – Начинаем, едва рассветет. Наша основная задача – не давать, понимаете ли, службам безопасности, всем, сколько их тут есть, ни минуты передышки. Пусть побегают. И пусть запаникуют...

Стоп, машина! Я ведь еще не описал новую временную штаб-квартиру сводной бригады скользунов Земли и Радости. Придется пока оставить это в тылу. Предварительные соображения: штаб-квартира должна располагаться в непосредственной близости от Кремля («...а из нашего окна горка Швивая видна»). Сводная бригада идет ва-банк и действует нарочито нагло, иное читателю не понравится. Пройдет сколько-то времени, прежде чем руководители местных спецслужб осознают, что «противник» до такой степени нахален, – так что подобный модус операнди можно считать вполне рациональным. Так оно на самом деле или нет – не будем сейчас вдаваться.

Ну, малый вперед!

Утреннее солнце еще не успело коснуться крайнего окна президентских апартаментов, как в это окно влетела пуля. Пробив тройное стекло, продырявив плюшевую (в гостинице любили стиль «ретро») портьеру, она благополучно пересекла спальню и, отколов дубовую щепку от резного шкафа, ушла в стену.

Случился переполох. На звон стекла и заполошный визг супруги президента прибежала охрана. Что творилось дальше в президентских апартаментах, покрыто мраком неизвестности, но на центральных улицах ранние прохожие могли наблюдать чрезвычайную активность полицейских и немалого количества людей, сплошь одетых в короткие зимние куртки почему-то одного покроя и одинакового неброского цвета. Минут через двадцать их активность принесла плоды: был задержан маленький автофургончик, в кузове коего под коробками с куриными тушками таилось около двухсот килограммов пластиковой взрывчатки. Шофер, уложенный мордой в сугроб, истерически верещал, что он ни в чем не виноват, что его просто наняли перегнать машину, и материл всех подряд: тех, кто его так подставил, гэбэшников, полицию, мерзлых кур, президентов и вообще жизнь такую. Его выдернули из сугроба, сунули в машину и увезли.

После чего настал мой выход. Балыкин знал, что для быстрых перемещений на расстояния до тысячи километров я люблю использовать Аэроклуб. Знал он, вероятно, и то, что я брал – неофициально, конечно – уроки пилотирования малого самолета у одного тамошнего славного парня. Парень уговаривал меня пройти официальный учебный курс и получить лицензию, но я воздержался. Такие уж порядки в том мире, что хочешь лететь один – лети хоть на шестимоторном гиганте, хоть на помеле верхом, никто слова не скажет. И друзей

возить можешь, если даром и если они в курсе и доверяют мастерству безлицензионного любителя. Захотел заняться авиабизнесом – вот тут уже извини-подвинься, без лицензии нельзя.

Ага, падают любители. И на дороги падают, и на дома. Бывает, что и на нефтехранилища. Но никому не приходит в голову запретить людям летать, где им вздумается. Человек придумал крылья не для того, чтобы всякие чинуши ему их подшибали. Уж таков аэроклубовский народ, что чинуше самому отшибут голову, чтобы в нее не лезли столь странные фантазии. Хорошие люди, доброжелательные и очень вольные. Хороший мир.

– Нужны деньги, – твердо заявил я.

– Много ли? – прищурился Балыкин.

– Купить самолет.

– Угони.

– Аэроклубовский? Никогда. Отниму, если не выйдет иначе, но возьму стоимость.

– А ты знаешь, сколько мы, понимаешь ли, уже раздали взятки? – Я знал. – Короче, бери деньги где хочешь, но чтобы шоу состоялось вовремя. Понял? Марш.

Я не торопился.

– Чего ждешь?

– Думаю.

– Ну, думай, думай... Лобачевский.

Наши посмотрели на меня с недоумением и тут же забыли. Они были заняты, им предстояло организовать еще парочку фальшивых покушений. А у меня холодок пробежал по спине, когда я понял, во что сам себя впутываю.

Мне нужен небольшой самолет, вроде «Сессны». Это вам не велосипед и не семейное авто китайской сборки, но и далеко не «Боинг». Нужны деньги – небольшие по нашим меркам, но неподъемные по моим личным. И все же будь я проклят, если отниму у любого аборигена Аэроклуба самолет, не компенсировав его стоимость. Это все равно, что поймать ангела и овечьими ножницами отстричь ему крылья. Да еще и в морду плюнуть. Так что компенсировать «честный отъем» мне придется с большой лихвой, потому что летчики в Аэроклубе искренне любят свои самолеты, дают им нежные имена, холят их и лелеют. Самолет для них – нечто вроде любимого домашнего животного, лучший друг и почти член семьи. Отобратить безвозмездно? Я, может, и циник, но не скотина.

Взять денег было бы проще всего на Земле в Штабе. В сейфе всегда есть запас в основных валютах и золоте, но у меня нет доступа к сейфу. Нужен Балыкин, а к нему сейчас не подступишься – занят человек. Он-то в Аэроклуб почти не наведывается, потому и удивлен: какого рожна я вздумал, понимаете ли, миндальничать? А такого рожна, что Аэроклуб – не Малина!

Нанести, что ли, визит в подвалы местного государственного золотохранилища? Могу ведь. Но это плохая идея. Во-первых, нужна наводка. Во-вторых, этим я могу косвенно помешать действиям нашей группы. Нет уж, добывать золото мне придется в каком-нибудь ином мире. А жаль, черт возьми, что в Аэроклубе, как и почти везде, ценится золото, а не свинец или, допустим, алюминий...

Впервые в жизни я ощутил себя нищим голодранцем. Казалось бы, имея возможность свободно ходить по множеству миров, можно за неделю сколотить состояние на одной только контрабанде. Можно и быстрее, если важность цели перевешивает этические табу. Но нет – мне, как всякому нормальному скользуну, достаточно знать, что я в принципе могу достать сколько угодно денег, а значит, мне нечего о них думать.

Но поди достань их всего за два часа!

Даже меньше. Куда там два часа! Через два часа я должен буду появиться на самолете над городом. У меня есть от силы тридцать минут.

Мысленно я прикинул еще несколько вариантов – например, угнать самолет прямо здесь, а не тащить его из мира в мир, – и отверг их. Оставался только один путь. Этически безупречный. И... жуткий.

Балыкин бы мне голову свернул, знай он, куда я нацелился. А ведь он сам натолкнул меня на эту мысль, обозвав меня Лобачевским. Неевклидова геометрия... Если шире, то – миры непривычные, пугающие, со странными свойствами, с иными законами природы...

Чувственная навигация – с этого начинается обучение юнца-скользуна. Это просто, как мычание. «Хочу в мир, где девочки будут вешаться на меня гроздьями» – ну и пожалуйста, вот тебе такой мир. «Хочу в мир, где никто не станет смеяться над моей картавостью» – и незадачливый скользун попадает в мир поголовно картавых. Позже ему объяснят, что желания должны формулироваться более разумно, и он пожелает скользнуть в мир, где любой логопед за полчаса навсегда избавит его от речевого дефекта. Самое главное, что никаких специальных знаний – знаний, приобретаемых скользуном за долгие годы учебы и упорных тренировок, – здесь не требуется. А если искомый мир чересчур далек и недоступен для прямого однократного скольжения, то во всяком случае можно нащупать нужный вектор и двигаться прыжками из мира в мир, постепенно приближаясь к цели. Правда, никто не гарантирует, что промежуточные миры окажутся приятными и дружелюбными. Всякое бывает. Потому-то юных скользунов и учат загадывать поначалу самые простые желания. И все равно бывает, что они, не послушавшись, уходят и не возвращаются. Некоторых потом удается найти и вернуть назад. Увы, не всех.

Для опытных скользунов, допущенных Балыкиным к работе, чувственная навигация не более чем спасательный круг и палочка-выручалочка. Если прижмет, если не видишь иного выхода из опасной ситуации – тогда используй. Так я в пожарном порядке ускользнул из Вивария в мир хищных зайцев... Рубец на шее, черт возьми, еще чешется.

Я подумал, что веду себя совсем как положительный герой приключенческого романа, старающийся, во-первых, не утратить положительности, а во-вторых, хотя бы иногда совершать поступки против логики, иначе читать будет неинтересно. Позднее я сообразил, что эта мысль была моей защитной реакцией против страха. Должны быть миры, где золото свободно валяется под ногами и никто на него не претендует. Они далеко, но они должны быть. Были бы они близко к обитаемым мирам, ценящим драгметаллы, так скользуны направлялись бы туда на манер бригад старателей, и вскоре в их родных мирах золото ценилось бы не дороже мельхиора. Но расстояние – не главное. Понадобится сделать полсотни скольжений подряд – сделаю. Хуже – иные законы физики. Без этого не найти пустую планету, усыпанную самородками. Ни на какой планете в нашем мире не валяется бесхозное золото.

Вопрос не только в расстоянии. Главный вопрос: смогу ли я там существовать?

Фольклор скользунов полон рассказами о неудачливых золотодобытчиках. Большей частью они уходили и не возвращались. Иногда – сворачивали с полпути. Но был и рассказ об одном скользуне, который вернулся с завернутым в тряпицу огромным самородком и был убит пулей уже на Земле. А не вводи во искушение ни ближнего, ни дальнего!

Я скользнул.

Мир не понравился мне сразу. Голый. Пустой. Ни деревца, ни травинки, одни камни. И воздух точно мертвый. Я огляделся. Никого. Только камни. Каменистое плато и горная цепь на горизонте. Сделал шаг... другой... В глазах начало стремительно темнеть, и я почувствовал, что еще секунда – и я потеряю сознание.

Скользнул.

Чувственная навигация вынесла меня в мир, где можно дышать. Я лежал на пригорке в низкорослых лопухах – травы здесь не было – и дышал всласть. Не-ет, в следующий раз ни за что не пойду за золотом без изолирующего противогаза... а в следующем мире небось придется пользоваться еще и жароупорным костюмом, а дальше будет еще хуже, и в конце

концов выяснится, что в мире, где самородки валяются под ногами, никаких ног быть не может, потому что существование живых организмов в нем невозможно вообще – тамошняя физика им этого не велит. Видно, придется мне отказаться от мысли припереть в Аэроклуб самородок размером с тыкву...

Ох, не дам я моему Вовочке вволю поваляться в лопухах! Причем совсем не потому, что он вдруг вспомнит, что у него мало времени. И не потому, что я такой уж садист. Нет, сейчас он у меня вскочит и забегает исключительно по законам жанра. Нельзя давать герою расслабляться – напротив, надо поизмываться над ним так, что...

А как? Чтобы у читателя волосы встали дыбом? Бросьте. Благодаря этой рукописи я фантаст, а значит, в жизни реалист. Мне достаточно, чтобы читатель не заснул. Короче говоря, надо обрушивать на героя одно испытание за другим, и дать ему выйти из них с честью – пусть с мордой в крови и утраченной верой в человечество. Кровь – тьфу. Мыло, вода и бактерицидные пластыри пока еще не в дефиците. А веру во все хорошее ему впоследствии вернет Балыкин; если же и он не справится – тогда Мара. В том мире, где «Земля» произносится как «Зимла». Где педальные лифты. Точно, так и сделаю. Причем не доведу этот процесс до конца, и к началу второго романа мой Вовочка будет желчен и угрюм. Но он вылечится.

Машина, реверс! Не буду забегать вперед. Сейчас начнется то, о чем мой герой еще долго будет вспоминать со вздрогом. Для начала вздрогнет и заходит ходуном пригорок с лопухами. Землетрясение? Логичная мысль. Если помните, самый первый мир, куда заглянул мой герой, тоже был сейсмическим. Но он все же был населен людьми, понастроившими зданий-бастионов, из-за чего именовался двояко: Сейсмикой и Цитаделью. Но в мире, куда сейчас занесло моего Вовочку, никаких людей нет, о чем он, впрочем, еще не догадывается. Но один разумный обитатель в нем все же есть...

Это сама планета. Слова о ее разумности, возможно, лишь комплимент, но она заведомо живая. В частности, она в меру своих возможностей и по собственной прихоти преобразует мир, данный ей в ощущениях. Ощущения же ее на данный момент таковы, что на ее поверхности разлегся непрошенный гость – мелкая и, вероятно, вредная блошка. Лопухи планету не беспокоят, они свои, а блошка – чужеродная. Согнать! Нет, лучше прихлопнуть! А не выйдет, так дуством ее, дуством!..

С протяжным тектоническим гулом там и сям разверзаются трещины. Их края сходятся и расходятся. Свалишься в такую трещину – будешь раздавлен ее стенками еще до того, как долетишь до дна. Пригорок с лопухами взлетает в воздух, как пробка от шампанского, а там, где он только что был, с ужасным ревом начинает бить гигантский кипящий гейзер. Сигая через трещины, мой герой убегает от кипятка. Заметив, что безобразия творятся на очень ограниченной площади вокруг него, он решает покинуть эту площадь. Из этого ничего не выходит – трещины буквально преследуют его по пятам. Он меняет направление – то же самое. Тут-то герой и догадывается, в какой мир попал. Ему бы скользнуть отсюда туда, где потише, а он, видите ли, анализирует: по какой причине он угодил под катаклизм, если всей душой хотел только одного: дышать. Или все же где-то глубоко в подсознании он мечтал не только о кислородной атмосфере?

Он странный, да. Так надо. А вы хотели, чтобы он был, как все? Надеюсь, вы шутите, вам ведь на самом деле этого не хочется. Как все – это с девяти до шести, а потом дома бряк на диван и щелк-щелк телевизионными каналами. Я не Гоголь и не Чехов, полюбить такого персонажа не способен. Так что принимайте моего Вовочку со всеми его странностями, опасными для его здоровья. Ведь не для вашего же? Тогда о чем сыр-бор?

Потом земля разверзается совсем уже адским образом – рождается вулкан. Лавы пока нет, но взрыв следует за взрывом. Из дыры в земле валит дым, летят вулканические

бомбы. Одна падает прямо перед моим героем. Но что это? Что это так ярко сверкнуло в горячей каменюке размером с хлебный батон?

Это алмаз! Ювелирный и притом громадный! А сама каменюка – кимберлит. Только не говорите мне, что при вулканических извержениях так не бывает. А живые планеты, что, бывают? Планете виднее, чем швыряться в приилого маргинала. Кимберлитовая бомба горяча, но не настолько, чтобы алмаз вот так просто взял и сгорел в кислородной атмосфере. Сорвав с себя куртку, герой обматывает ею пылуемый жаром камень, хватая его под мышку – и ускользает.

Аэроклуб. Поля, перелески, совсем наш мир. С дымящейся курткой под мышкой герой шагает к ближайшей частной ВПП, попутно разбираясь со странностями чувственной навигации. Почему его занесло в тот странный мир, а не в какой-нибудь другой? Конечно, он прежде всего хотел дышать – сознанием и половиной подсознания. Но во второй половине подсознания еще сидело прежнее желание: быстро разбогатеть. Что ж, ювелирный алмаз карат этак на тысячу ничем не хуже крупного золотого самородка – даже лучше, поскольку при его переноске не надорвешься. А в Аэроклубе алмазы ценятся ничуть не меньше, чем на Земле...

Глава 8

В другое время меня позабавила бы отпавшая челюсть пилота, лишившегося своего любимого самолетика, но получившего взамен целое состояние в виде небрежно брошенного на траву продолговатого бульжника с ювелирным сырьем. Приятные воспоминания такого рода греют душу любого скользуна. Проходят годы, а вспомнишь чью-нибудь растерянную физиономию – невольно улыбнешься.

Но теперь мне было не до приятных эмоций. Я изнемогал. Одно дело перенести самого себя через несколько миров, и совсем другое – себя вместе с самолетом. Как бы ни был он мал, но тонну или полторы, наверное, весил.

Самому-то скользить просто. После ряда тренировок даже начинающий скользун спокойно перемещается в любой из ближайших миров, не слишком уставая при этом. Тащить с собой груз – совсем иное дело. Нередко с учениками, еще мало что умеющими, случается конфуз: они скользят в какой-либо мир, а их одежда остается в точке старта. Позже, когда начинаются упражнения на скольжение с теми или иными предметами, ошибки не только часты, но и неизбежны, а мастерство достигается через адские усилия. Вот полка с книгами. Коснись пальцами корешка одной из книг и скользни с нею, не прихватывая с собой всю полку. Не получилось? Пробуй еще и еще раз, пока не получится. Прикоснись к журнальному столику и скользни с ним, только с ним, а не с наваленными на него журналами. Вот бочка с водой. Скользни с нею и вернись. А теперь скользни с нею, но так, чтобы вода осталась здесь. А теперь скользни с водой, но без бочки. Устал? Отдохни, но недолго, помня, что реальная ситуация может не дать тебе времени на отдых. Получилось? Отлично. Теперь повтори упражнение еще раз. А теперь – внимание! – переходим к скольжению с массивными предметами. Нет, забрасывать в чужие миры автомобили или чугунные трубы мы не станем – нас неверно поймут. Скользни-ка вон с тем бревном. А теперь вон с тем валуном. Почему шатаешься? Притомился? Двадцать минут на аутотренинг – и снова...

Будь я в лучшей форме, и то перетаскивание самолетика из Аэроклуба в Малину выжало бы меня досуха. Но всего лишь полчаса назад я сначала едва не задохся, а потом бегал и прыгал, как ненормальный, стараясь не загреметь в трещину и не свариться в гейзере. Скользнул я в полете, едва набрав высоту, скользил – словно гору с места сдвигал и едва ли не молился о том, чтобы не потерять сознание от натуги. Обошлось, хотя несколько секунд в глазах было темно. Я сориентировался по компасу и лег на курс. В кабине были карты, но они не могли мне помочь в этом мире. Приходилось ориентироваться приблизительно. Я заметил железнодорожную ветку, за ней автотрассу, а еще дальше – реку, выписывающую петли. Грязно-коричневый цвет воды и масляные разводы подсказали мне, что река уже миновала мегаполис. Медленно дрейфовали льдинки, жестоко обглоданные сточными водами. Вот и отлично. Пойду низко над водой, авось меня не засекут раньше времени. Я взглянул на часы – до назначенного времени оставалось двадцать минут. Успею.

Над рекой я снизился, но прижиматься к самой воде не решился. Вымотанному физически и морально человеку не стоит садиться даже на велосипед, не то что в летательный аппарат. Самолет был послушен – это я никуда не годился. Малоопытный пилот, да еще в далеко не лучшей форме... Мне стоило труда вести машину прямо, а когда из-за речного поворота навстречу мне выплыл здоровенный пассажирский теплоход, я запаниковал и сделал «горку» на полтора метра, вместо того чтобы пройти впритирку. Попадались мосты – я тоже брал их «сверху». Куда мне до Валерия Чкалова...

Много бы я дал за то, чтобы очутиться сейчас в моей квартирке в кресле у камина!

Город надвигался зарослями бетонных громад. Живописные берега сменились уродливыми отвалами глинистой земли пополам со строительным мусором, безобразными серыми

пристанями, рядами свай, забитых невесть зачем. Стало больше мостов. Вовремя заметив мачты высоковольтной линии, я рискнул прижаться к самой воде, избежав встречи с проводами, и едва не задел какой-то катерок. Спокойно, спокойно... Глубоко дыши. Ты не террорист, а имитатор, тебе надо лишь напугать туземцев, а не устраивать взаправдашнее покушение на президента. Ты справишься.

Опять мосты – большой шоссейный и вскоре после него железнодорожный. Оба – сверху. Если вообразить, что я на Земле и лечу над Москвой-рекой, то справа – Марьино, а слева – Царицыно. Теперь приходилось всю вертеть головой: я знал, что уже наверняка замечен, что в эфире на спецчастотах стоит матерный лай и что барражирующие в воздухе над городом истребители мчатся мне наперехват. Мотор работал ровно, самолетик охотно слушался даже такого пилота, как я. Маленький славный четырехместный самолетик, честный трудяга... сколько тебе осталось жить?

А сколько мне?

Коломенское. Только нет здесь ни старинных храмов, ни дубовых рощ, а прибрежные холмы застроены элитным жилым комплексом. Эти уроды с Малины обворовали сами себя. Мне нет дела до того, кто приказал копать и вызвать оползень, чтобы потрескались старые стены, кто сочинял постановление «в связи с аварийностью и общей ветхостью», кто сколько получил и как пилился откат, – они виновны все, до последнего человека. Таков уж этот мир, что честного человека здесь можно показывать в музее как редчайшую диковину. Но эти люди виновны только перед собой, поэтому при всем к ним презрении я не стану срезать речную петлю. Пусть меня собьют над рекой, а не над жилыми домами.

Река разливается, делится на рукава. Вот и Нагатинская пойма. Ну, где они, защитники неба? Пора бы им появиться. Мой самолетик не быстр, но до Швивой горки долетит максимум за пять минут.

Вот они!

Даже в кабине я слышу рев боевого истребителя. Он справа-сзади от меня и заканчивает разворот. Через несколько секунд я попаду ему в прицел.

А не засиделся ли я здесь?..

Река сворачивает направо, но мне туда не надо. Там мосты, по ним идет движение, а я вовсе не хочу, чтобы кто-нибудь из туземцев пострадал. Я им не судья. Истребитель должен поразить ракетой меня, а не мост и тем более не дом, – это раз. Обломки самолета должны упасть в воду – это два.

Делаю горку, лезу вверх. Пора! В верхней точке самолет долю секунды раздумывает, на какое ему свалиться крыло – правое или левое, – и в этот момент я покидаю кабину. У меня нет парашюта, но зачем скользуну парашют? Теряю две или три секунды – во-первых, само по себе падение с большой высоты не связано с сильными ощущениями лишь для бессознательного тела, а во-вторых, мне предстоит сложное скольжение – без груза, но в довольно далекий мир, отнюдь не смежный. Над головой – бабах! Взрывная волна догоняет меня, но я уже в скольжении...

Затянутая слоем тумана поверхность воды вдруг оказалась неожиданно близко – я едва успел войти в воду «солдатиком». Удар ошеломил меня, а вода – ошпарила. Глубоко погрузившись, я отчаянно заработал руками и ногами и всплыл на поверхность, едва не захлебнувшись. Всплыв – заорал. Вода не была кипятком, иначе я всплыл бы уже вареным, но была почти нестерпимо горячей. Не так уж это и много – никак не больше пятидесяти градусов, но радости, мягко говоря, никакой. Теперь стал понятен туман над океаном – пар это был, а никакой не туман! Наверное, в спешке я скользнул не в более или менее знакомый мне Океан-2, а в другой мир, также почти сплошь покрытый водой, но мир горячий. Хорошо, что не чересчур холодный, а то бы я разбился о лед. Но кому, кроме японцев, привыкших недвижно сидеть в бочках с кипятком, понравится такое купание?

Что-то коснулось моей ноги. На поверхность всплыл длинный волнистый гребень неизвестного существа, явно заинтересованного моим приводнением. Кажется, это было что-то вроде угря десятиметровой длины. Впрочем, не исключено, что я ошибся – голова чудовища скрывалась под водой. Я не ждал от нее ничего хорошего.

Если планете хочется иметь гидросферу с температурой горячего супа – это ее право. Но населять суп живыми, а не вареными гадами – это перебор.

– Замените воду в океане, – злобно посоветовал я неизвестно кому и скользнул.

Если вы думаете, что герой не обязан время от времени произносить броских и глупых фраз, то вы чересчур многого хотите. А теперь можете немного расслабиться и скушать бутерброд. Герой скользнул в унылый и никчемный мир, пригодный лишь для того, чтобы немного отдохнуть, сидя на кочке, привести в порядок нервы и предаться философским рассуждениям. Долго это не продлится, так что сделайте себе один бутерброд, а не два. Потом, естественно, моему Вовочке предстоит наведаться в какой-нибудь из цивилизованных миров, поменяться одеждой с каким-нибудь не слишком обрадованным такой сделкой аборигеном, вновь скользнуть в Малину и воссоединиться с коллегами. Не буду пока описывать эти действия подробно – хватит и беглого упоминания, – но потом посмотрю на объем романа. Если он окажется недостаточен – опишу одиссею Вовочки во всех деталях, сюжетных и антуражных. Костюмы опишу. Ресторанные меню. Качества напитков, сигар и, возможно, женщин.

Ладно, там будет видно. Кульминация, будем считать, состоялась, пора переходить к концовке. И тут нужен внезапный сюжетный поворот. Какой? Любой, кроме ожидаемого. Потом-то, конечно, каждый второй читатель начнет с пеной у рта доказывать, что этот мой «внезапный поворот» до отвращения банален, он элементарно просчитывается, а я буду чесать в затылке: и откуда взялось столько пронизательных? Возможно, приду к лестному для меня выводу о том, что мой роман читают преимущественно люди умные. Гм. Да, к такому выводу я и приду, особенно если сам основательно поглупею...

Напряжение растет катящимся с горы снежным комом. Терентий Семенович, наш теоретик и мастер на все руки, умудрился подключиться к одному из правительственных каналов связи и слушает на наушник, морща невзрачное свое личико в печеное яблоко. Остальные не находят себе места, то есть, попросту говоря, бездельничают. Балыкин шумно пьет чай, время от времени хрустя очередным кусочком сахара, – питает мозг. Без меня ребята хорошо поработали – была еще одна пуля в гостиничное окно, и был фугас, обнаруженный службой охраны в канализационном люке на набережной по пути следования президентского кортежа из гостиницы в Кремль. Фоло Робус, Соло Бобус и Гомо Фобус тоже здесь. Нет только Степана – он отправился организовывать очередное лжепокушение. Идет время. Балыкин молчит, нервничает и сморкаться забыл.

Мы ждем. И вот – Терентий Семенович отваливается от своей аппаратуры, как сытый вампир. Теперь на его лице не сложный пересеченный рельеф, а лукавые морщины-лучики.

– Получилось...

Единым выдохом в ответ: «Ну?», «Что?», «Как?»

– Президента отправят прямо в аэропорт военным вертолетом, – докладывает улыбающийся Терентий Семенович. – Переговоры отложены. Лекция в университете отменена. Вообще все отменено. Степана можно отзывать. Поздравляю, коллеги.

– Поздравлять – это моя прерогатива, – насморочно бубнит Балыкин, но всем нам видно: он доволен. – Поздравляю, друзья! Мы справились. Мне особенно приятно, что коллеги с Радости приняли, понимаете ли, такое активное участие в этой операции. Она у нас

совместная, понимаете ли. От души надеюсь на продолжение нашего сотрудничества в будущем...

Он не умеет произносить протокольные фразы, но тем не менее Фоло Робус, Соло Бобус и Гомо Фобус кланяются и усердно надувают щеки – они согласны, наша совместная операция – это вежа, с нее, надо думать, начнется более тесное сотрудничество между нашими конторами к обоюдной пользе, и вообще надо укреплять доверие между скользунми всех хороших миров для борьбы с метавселенским негативом. Мы тепло прощаемся, и они исчезают один за другим.

Появляется Степан. Он недоволен – его оторвали от дела.

– На соседней крыше я видел снайпера, – сообщает он как бы между делом.

– Одного?

– Где-нибудь есть еще. Поздравляю, нас опять выследили.

– Давно пора, – ворчит Балыкин. – Опустите жалюзи и не подходите к окнам.

Мы никуда не торопимся. Нас не отстреливают, не штурмуют, а значит, нам пока некуда спешить. Каждый из нас может спокойно прикинуть наиболее удобный для себя путь возвращения, сначала в наш родной мир, а потом, если не будет иных распоряжений – кто куда. Степана ждут невиданные звери на неведомых тропинках в сельве, Герку – помидоры на сцене, Юлию – дальнейший поиск того, чего нет. Меня – Мара и семейный уют.

Хотя... шевелится во мне некое подозрение.

– Расслабились, вижу... – Балыкин ухмыляется. – Между прочим, я еще никого не отпускал.

– А что? – интересуется Степан.

– То, что вы мне пока еще нужны, а ты, бугай, – в первую очередь. Сейф – он тяжелый, понимаете ли.

– Какой сейф?

– Который в конторе. Держу пари, он взломан. Нам нужен новый, а кто его заносить будет? Любители деревянных духовых инструментов?

Вид у Балыкина нисколько не расстроенный.

– Это надо понимать так, что вся наша операция с самого начала была чисто отвлекающей? – с оскорбленным видом цедит Юлия, хотя мне давно понятно: так оно и есть.

– Со стороны наших коллег с Радости – безусловно. Они отвлекли нас, что им и требовалось, понимаете ли, чтобы без помех покопаться в нашем сейфе. Поздравляю, мы славно им подыграли. Кто у нас в лавке остался? Никого, понимаете ли...

– А что они искали? – жадно любопытствует Герка.

– Информацию о Золотом Веке, – отвечает Балыкин. – Что ж, они ее нашли.

Теперь мне становится понятна вся комбинация, хотя чего тут не понять? Золотой Век – цель достойная. Этот мир дразнят также Домом Престарелых, а иногда именуют Мафусалимом. Согласно легенде, разумные обитатели Золотого Века во всем похожи на нас, кроме одного: они живут от пятисот до тысячи лет, почти весь срок жизни сохраняя бодрость духа, крепость тела и ясность ума. Скучные и отрывочные сведения о Золотом Веке были получены лет сорок назад от одного итальянского скользуна-первопроходца, бесследно сгинувшего при попытке вновь добраться туда. Это очень, очень далекий мир, его не достичь единственным скольжением. По правде говоря, я думаю, что и десяти скольжений не хватит. И через какие миры придется идти транзитом? Через безвоздушные, отравленные, купающиеся в гамма-лучах, раскаленные или, напротив, замороженные чуть ли не до абсолютного нуля? Говорят, будто Джованни Луцци оставил какие-то заметки, но до сих пор ни один скользун не сумел воспользоваться ими и вернуться назад живым. Ведь что такое Метавселенная? Матрица с неизвестным, но заведомо превосходящим сотню числом измерений и непредставимо громадной величины. Каждый элемент матрицы – мир. В матрице есть

довольно большой «остров», где физические условия допускают возможность жизни белковых организмов и развитие цивилизации; мы скользим почти исключительно в пределах этого «острова». Вне его – смертельные для нас миры. Но, может быть, где-то очень далеко от нас существует еще один столь же благоприятный «остров»?

Если он существует, то где-то там находится и Золотой Век. Не ближе. Он не может находиться в пределах нашего «острова» уже потому, что в этом случае был бы давно обнаружен. И секрет долголетия его обитателей сделался бы всеобщим достоянием.

– Следовательно, мы располагаем свежей информацией о Золотом Веке? – не выдерживаю я.

– Это закрытая информация, – с каменным лицом отвечает Балыкин.

Понятно... Следовательно, что-то у нас все же есть. Дальнейшее элементарно. Нашим коллегам с Радости каким-то образом становится известно об этом. Они с полным на то основанием подозревают, что данной информацией мы не поделимся – хотя бы для того, чтобы не превращать союзников в конкурентов. Они планируют операцию. Балыкин узнает об этом (держу пари, что тут не обошлось без двойного агента) и решает подыграть им. Он позволяет убедить себя в том, что надвигающиеся события в Малине грозят Земле катастрофой. Он соглашается бросить в бой все наличные силы. Куда он разогнал более опытных сотрудников – не знаю и не собираюсь спрашивать, все равно не скажет. Но в Штабе все это время было пусто, и наш сейф с валютой и ценнейшими, дороже всех валют мира, документами оставался лишь под присмотром сигнализации, в лучшем случае усиленной каким-нибудь дедком-ветераном из тех, кто уже давным-давно успокоился, подзабыл навыки и питает к скольжению живейшее отвращение. Готово – изъятие или копирование документов становится вопросом чисто техническим. В крайнем случае упрут весь сейф.

Вот-вот. Пусть потрудятся. И пойдут в итоге по ложному следу.

Руководству не нужна вражда со скользунами Радости. Скользуны разных миров не могут вести войн друг с другом – ведь чтобы попытаться (только попытаться!) нейтрализовать действия хотя бы одного скользуна, надо мобилизовать против него всех. Абсолютно всех. Скользунов и нескольких. Любого, кто может выстрелить по внезапно появившейся цели. И это будет концом тайны и концом независимости. Пока мы всего-навсего сотрудничаем с ФСБ, да и то эпизодически, глядя на эту организацию несколько сверху вниз, – а что будет, если исчезнет наша тайна? Ничего хорошего ни для нас, ни для скользунов любого другого мира.

Поэтому мы не стреляем друг в друга. Обман партнера – это ведь не война, это ближе к дипломатии.

Разумеется, в Малине никакого покушения на президента не готовилось. Тьфу на него, на этот мир воров, взяточников и дурацкой слежки всех за всеми. Хотя мы здорово разворошили этот муравейник, и я опасаясь, что нам еще придется так или иначе сглаживать последствия наших действий. Но отработали мы неплохо, что и говорить. Обидно только, что мы ничего не знали об истинной подоплеке событий – ну, кроме, может быть, Терентия нашего Семеновича, понимаете ли. Но ведь это было необходимо для успеха операции...

Мы понимаем. Мы всё понимаем. Но Балыкину я это еще припомню. Во всяком случае, пусть не рассчитывает на мою помощь, когда надо будет затаскивать в наш подвал новый сейф.

– Хочешь в основной состав? – внезапно спрашивает он меня, предварительно с чувством высморкавшись.

Я растерянно моргаю. Почему он предложил это мне? Не Степану, не Герману, не Юлии, а именно мне? Я стою, как дурак, а на меня смотрят, мне завидуют...

Я медленно качаю головой.

– Нет.

– Ну, ты подумай, а я тебя потом еще раз, понимаешь ли, спрошу.

– Я уже подумал.

Вот именно. Меня ждет Мара. Меня ждет мир, где мне хорошо и покойно. Даже информация о Золотом Веке не в состоянии толкнуть меня к немедленной активности. После – может быть. Но я не стану искать ничьих милостей.

Эх, нет последней фразы! Мне еще предстоит ее придумать – броскую и запоминающуюся, – а пока я могу констатировать: скелет романа готов. Первого романа цикла. Позже наращу мясо, а пока могу расслабиться: основное дело сделано, и оставлена интрига для романов-продолжений. Может быть, их будет даже не пять, а больше. Там посмотрим. В них будет многое: прогулки по мирам типа Вивария или даже еще хуже, успехи головоломных операций и обидные провалы, грань настоящей войны скользунов, Сонный Паук, миры смешные и миры страшные, а на закуску – Золотой Век и тысяча лет жизни если не для всех и каждого, то уж по меньшей мере для героя и его близких. Может быть. Я еще не решил.

Ведь чем хорош цикл? Во-первых, читатель уже прикормлен, как подлещик в озере, и должен с нетерпением ждать следующего романа. Во-вторых, в следующем романе всегда можно объяснить сюжетные нестыковки предыдущих опусов. В-третьих, если кто-нибудь наморщит нос – мол, интрига вяловата и сюжет недостаточно динамичен, – то ему сразу же укажут: «Дурень! Ты второй (четвертый, девятый) роман этого цикла почитай! Вот там – круть!»

Впрочем, указали бы на Земле, а не на Зимле. Здесь фантастика развита слабо и большей частью эксплуатирует тему далеких планет и небывалых изобретений гениальных инженеров. Чисто приключенческая фантастика здесь пока в новинку, и грех этим не воспользоваться. Конечно, с изданием будут проблемы, мне обязательно скажут: «Это же антинаучно!» – но эти трудности преходящи, и цикл рано или поздно издадут. И продадут на «ура». Я не верю в это – я это знаю.

Дописать бы только...

Вот черт! Я и забыл о таинственном госте, что прятался в берлоге Степана! Женщина-скользун из ненашего мира, да? Ну и ладно, не стану ее вычеркивать. Сделаю лучше: введу в каждый роман подобную интригу без развития, и пусть в последнем романе все эти развешенные на стенах ружья выстрелят залпом. И полезут скелеты из шкафов.

Подбрасывая сосновые чурки в камин, меланхолично размышляю: что сказал бы читатель, узнав, что на самом деле никакой я не фантаст? Ну почти никакой. Приукрашиватель действительности – это да. Ампутатор малоинтересного. Доморощенный художник-декоратор, вот я кто. А что на это сказала бы Мара?

Кстати, не ее ли это звонок в дверь? По времени – рановато. Но, может, ее отпустили с дежурства?

Это не Мара. В дверном проеме стоит Балыкин.

– Позволишь войти? – осведомляется он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.